

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СТРАЖ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ

Страж

Алексей Пехов

Золотые костры

«Автор»

«Автор»

2012

Пехов А. Ю.

Золотые костры / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2012 — (Страж)

Суровую зиму предвещают ледяные ветра с гор. Она придет с метелью и холодом, скрывая в снежной круговерти смерть. Где-то там, за вьюгой, мимо уснувших лесов, опустевших полей и заброшенных погостов, идет по ночным трактам темный кузнец. Никто не знает, кто он, как выглядит и чего хочет. Людвиг ван Нормайенн со спутниками Проповедником и Пугалом спешат по его остывающему следу. Книга публикуется в авторской редакции.

© Пехов А. Ю., 2012

© Автор, 2012

© Автор, 2012

Содержание

История первая	5
История вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Пехов

Золотые костры

История первая РАСПЯТЫЙ

Мальчишка торопился и нервничал. Это было видно по его напряженной спине, по тому, как он шмыгает носом, то и дело оборачиваясь, с затаенным страхом проверяя, не передумал ли я.

– Наверное, бедняга живет среди жестоких людей, – с печалью произнес Проповедник и уточнил: – Ребенок ждет, что ты рассмеешься ему в лицо и обманешь. А может, еще и тумака отведешь, чтобы не был наивным и не верил обещаниям таких проходимцев, как ты.

Я ничего ему не ответил. В первую очередь для того, чтобы не волновать моего проводника. Он и так испуган тем, что рядом с ним страж.

На границе между Бробергером и Чергием, где дремучие леса соседствуют с Хрустальными горами, а в долинах ютятся забытые богом хутора, таких, как я, не пускают на порог. Здесь считается, что людей, способных общаться с невидимыми собеседниками, коснулось дыхание зла. Короче, Братство тут любит примерно так же, как пастухи волков, которые режут бесценных овец.

– А вдруг он тебе наврал? – пришло в голову Проповеднику, и он даже остановился, потрясенный такой мыслью.

– Не похоже, – сказал я и продолжил для недоуменно обернувшегося мальчишки: – Не похоже, что близко от деревни. Мы далеко ушли.

– Недалече осталось, господин. Во-он на том склоне он лежит.

Сын лесоруба, облаченный в рваные портки и длинную льняную рубаху, показал на поросший грабами холм.

Ребенку было около одиннадцати лет. Худое, загоревшее за лето лицо, выцветшие на солнце волосы, облупившийся нос, конопушки, яркие, немного настороженные, но смысленные глаза.

– Хорошо. Веди дальше. Если не соврал, получишь свой грош.

Он торопливо кивнул, радуясь, что я не передумал, и поспешил вперед. По широкой, вытопанной коровами тропе, через большой скошенный луг, к быстрому, извилистому ручью. Через него проложили дорожку – цепочку притопленных камешков, по которым мой провожатый ловко, ни на мгновение не останавливаясь, перескочил на противоположный берег. Остановился, дожидаясь меня, да еще и предупредил:

– Осторожнее, господин! Вон тот, пегий, шатается малость.

– Экий заботливый отрок. – Проповедник, хоть и не мог намокнуть, по старой привычке подобрал рясу и перешел ручей вброд, не потревожив воды. – Если честно, Людвиг, ты давно уже должен был ехать с дилижансом дальше, а не идти на поводу у своего любопытства. Мало ли кто что придумал. Теперь следующего ждать месяц.

Здесь он прав. В такую дыру кареты заезжают не часто. Но я не боялся задержек. Как только все решу – пойду напрямик, через предгорья. Там вполне хорошая дорога, она приведет меня к Вилочкам, где легко можно купить лошадь, чтобы продолжить путешествие.

– Я уже предвкушаю прогулку по глухомани, – между тем продолжал мой спутник. – Жизнь тебя ничему не учит. В последние два раза, когда ты оказывался в диких местах,

столкнулся с визаганом, призрачными монахами и целой стаей голодных старг. Даже не знаю, кто из них был хуже.

Стража, как и оборотня-ругару, кормят ноги. Проповедник шляется со мной уже который год, но до сих пор не может привыкнуть к тому, что чаще всего мы оказываемся вот в такой вот дыре, на очередной дороге, далеко от больших городов.

Я поправил лямки рюкзака, впивающиеся в плечи, поморщился, когда левое на мгновение стрельнуло слабой болью. Один ловкий цыган, прежде чем умереть, ткнул в меня кинжалом, и, если бы Мириам не привела свою знакомую старгу, я бы так быстро не поправился.

Проповедник, который после кое-каких событий не любил кровопийц, обладающих сильнейшим даром целительства, тогда задумчиво сказал:

– Теперь я понимаю, почему церковь не истребила этих иных существ. Хорошо иметь при себе послушного вампира, способного вылечить чирей. То что нужно каждому уважающему себя клирику. Да и некоторым князькам тоже не помешает. Корми раз в месяц каким-нибудь еретиком или преступником и ходи без всякой срамной прогансунской болезни. Очень удобно.

Я перебрался через ручей, и мы стали взбираться на холм по тропе, сильно засыпанной опавшей листвой. Снизу подъем казался не таким уж и крутым, но холм возомнил себя чуть ли не Монте-Розой – самой высокой вершиной Хрустальных гор. Отвесный склон, да к тому же еще и довольно скользкий, стал настоящим испытанием, и я старался беречь дыхание, слушая, как кровь стучит в ушах.

Проповедник посмеивался и скакал вокруг меня едва ли не вприсядку. Это была его маленькая месть за то, что я не внял его слезным мольбам и вылез из дилижанса, услышав разговор местных мальчишек.

Сын лесоруба привел меня на каменистую площадку, с трех сторон окруженную старыми грабами. Отсюда открывался довольно неплохой вид на долину, лежащую в двух сотнях ярдов под нами, на ручей – голубой лентой вливающийся в широкий пруд, с другого края оканчивающийся самодельной плотиной, на которой сейчас удили рыбу мальчишки. На яблоневые сады, серо-желтые деревенские крыши и похожую на колокольчик маковку церкви.

На поляне нас ожидало Пугало, которое пропадало где-то целую неделю и наконец соизволило показаться на глаза. За время отсутствия оно несколько не изменилось – все такое же угрюмое и несимпатичное, как и прежде. Старый, истрепанный военный мундир, одутловатая голова-мешок со злобными глазками и зловещей ухмылочкой, порядком поизносившаяся соломенная шляпа, ну и серп конечно же. В общем, темный одушевленный, который мог бы испугать своим внешним видом до почечных колик всех, кто бы его увидел. По счастью, обычные люди избавлены от лицемерия этой сущности, а я уже давно привык к своему спутнику.

Пугало с интересом посмотрело на ребенка и с некоторой долей задумчивости проверило остроту серпа большим пальцем левой руки. Затем покосилось на меня и сделало вид, что любит окрестностями.

– Людвиг, а мальчишка-то не соврал. – Голос Проповедника в кои-то веки звучал без всякого ехидства.

– Господин, это здесь. – Мой провожатый показывал на то, что находилось рядом с узловатыми древесными корнями.

Скелет. Точнее, отдельные кости. Они были старыми и лежали здесь не год и не два. Череп торчал в выемке между корней, сильно засыпанный осенними листьями, и я видел лишь желтый краешек носовой кости и глазницу. Ребра растащены, часть разгрызена – лесные жители нашли себе хороший обед и ужин. Берцовая кость коричневой палкой торчала под углом из земли, бедренная обнаружилась у меня прямо под ногами, шагах в восьми от черепа. Плечевая была сломана пополам, опять же чьими-то зубами.

– Тут, – на всякий случай сказал мальчишка, внимательно следя за выражением моего лица.

– Я вижу мертвого. Таких костей много в лесах, на полях и в придорожных канавах. Они не делают мертвеца стражем, – проронил Проповедник и скривился, когда Пугало заглянуло мне через плечо. – А вот и наш падальщик подошел.

Одушевленный, как это бывало и раньше, слова старого пеликана пропустил мимо ушей, провел костлявой рукой над коричнево-желтым ковром листвы, ткнул в него длинным пальцем.

– Ты уверен, что мертвый был стражем, малец? – спросил я.

– Да, господин. Так старшие мальчишки говорили. Кинжал у него точно видели.

– Его забрали?

– Нет, господин. Кто же кинжал стража трогать будет, если он проклят и приносит несчастья? Сапоги взяли и... другое, а кинжал где-то здесь валяется.

– Деревня мародеров, – буркнул Проповедник. – Хорошо, что они верят во все эти приметы с кинжалами. Иначе бы как пить дать сперли и его.

Я подошел к тому месту, где крутилось Пугало, начал разрывать листву, отложив в сторону несколько спинных позвонков. Когда из земли появилась тазовая кость, я нашел то, что искал, – кинжал в очень простых кожаных ножнах с двумя заклепками и медной бляхой там, где они должны были крепиться к поясу.

Я узнал их сразу, даже не очистив грязь.

Эти ножны я купил в Лисецке много лет назад, когда меня еще учила Мириам.

Я сел на корень, рядом с Пугалом. Мальчишка переминался с ноги на ногу, и я протянул ему обещанное – золотую монету, огромную ценность для этих мест. Он, все еще не веря в то, что я сдержал слово, попробовал ее на зуб.

– Получишь еще одну такую. Прямо сейчас. Если ответишь на мои вопросы.

Его глаза стали круглыми. Он явно решил, что все стражи сумасшедшие.

– Конечно, добрый господин.

– Когда ты нашел кости?

– Старший брат нашел, не я. Я еще маленьким был.

– Страж приходил в вашу деревню?

– Нет. Он с гор шел. – Мальчик махнул рукой за холм. – С перевала Горрграт, наверное.

– Что говорили о том, как он умер?

– Человек давно лежал, уже нельзя было понять. Одни болтали, что у него здесь была рана, а другие, что здесь. – Он ткнул себя в грудь, затем в живот и поспешно сдул воображаемую болячку с руки в лес, чтобы она не пристала к нему.

– Почему же кости до сих пор брошены так? Не похороненными?

Мальчишке не понравился мой вопрос, было видно, что отвечать не хочет, но золотой грош был гораздо важнее.

– Так ведь он стра... – Он осекся. – Отец Гженек запретил. Сказал, что...

– Говори. Не бойся.

– Уши надерете, – шмыгнул носом тот.

– Не надеру.

Он подумал и выпалил:

– Сказал, что мерзкой твари не место лежать в святой земле, рядом с селянами. Гнить ему под небом, кормить воронье. И ходить сюда запретил, чтобы проклятие не подцепить.

– И не ходят?

– Только самые смелые.

Смелым, надо полагать, был он. Я дал ему еще одну монету, предпоследнюю из тех, что у меня оставались при себе, и отпустил. Мальчишка юркнул ловким горностаем, побежал вниз, довольный и счастливый.

– Мне стыдно, что есть такие священники, – проронил Проповедник.

– Здесь никогда не любили стражей, – ответил я, все еще держа кинжал в руках.

– Ты знал беднягу? По лицу вижу – знал.

Я дернул плечом, показывая ему, чтобы помолчал. Его трескотня сейчас совершенно не к месту. Посмотрел на краешек черепа, торчащий из-под листвы, и сказал:

– Ну, здравствуй, Ганс. Наконец-то я нашел тебя.

В последний раз я видел друга в Арденау, после того как старейшины предупредили его, что больше не станут терпеть неповиновение. Но Ганс плевать хотел на их предупреждения.

– В мире полно темных душ, дружище. По счастью, я не завишу от наших кислых политиканов и делаю то, что считаю нужным. Передавай привет Гертруде, – сказал он и умчался по пыльной дороге.

Он не вернулся через год. О нем ничего не было слышно и через два. Никто из наших не встречался с ним. Я и Львенок исследовали множество дорог, побывали в десятках мест, смогли проследить его путь до Фирвальдена, но так и не нашли ответа на вопрос – куда пропал Ганс?

Гертруда и Кристина, Иосиф, Шуко и Роза – многие из нас искали его. Все оказалось бесполезно.

– Мир велик. И опасен, Людвиг, – как-то сказал мне Иосиф, сидя на песчаном, окрашенном кровью прошедшего сражения речном берегу. – Стражи пропадали и прежде. И будут пропадать. Ничего удивительного. Наша работа слишком опасна. Смирись с тем, что случилось с твоим другом. Двигайся дальше.

Но меня не оставляла надежда, что он все-таки жив. Чудеса порой случаются. Иногда стражи исчезали и на более длительное время, а затем вновь появлялись в Арденау, рассказывая о далеких странах и своих приключениях.

Но на этот раз чуда так и не произошло.

Старина Ганс, мой самый лучший друг, тот, с кем во время обучения в школе мы были неразлей вода, нашел свое пристанище на холме, среди старых молчаливых деревьев, поблизости от людей, которые оставили его кости на милость дождя и ветра.

В деревне, как видно, уже знали, где я был и что нашел. Женщины отворачивались и уходили в дом, мужчины – большие и кряжистые, как медведи, сжимали кулаки и провожали взглядами. Никто ничего не спрашивал, никто не преграждал дорогу, но даже Проповедник сказал:

– Как бы не было грозы. Два пистолета тебя не спасут.

– Я уйду прежде, чем они наберутся смелости, – ответил я.

Дом я нашел без труда – он был самым большим и богатым на улице. Краснолицый мужик лет пятидесяти уже ждал меня на крыльце вместе с двумя сыновьями. Эти были точно такими же, как он, – широкоплечими и настороженными.

У того, что помладше, в глазах прятался страх, но он старался держаться решительно и, если я замыслил худое, не дать отца в обиду.

– Ты – староста?

Человек пожевал губами, неохотно выдавил:

– Ну?

– Мне нужна лопата.

Пугало, предвкушавшее славную драку, услышав мои слова, раздраженно пнуло подвернувшуюся под ноги свинью, и та с душераздирающим визгом понеслась по улице.

– Принеси, – сказал хозяин младшему сыну. – Там, в сарае. Быстрее.

В тяжелой тишине прошло несколько минут. Вернувшийся парень отдал мне лопату, избегая смотреть в глаза, сделал шаг назад.

– Ты ведь не хочешь, чтобы я пришел в твою деревню снова?

Староста отвел глаза, с упрямством произнес:

– У нас нет темных душ. Тебе нечего здесь делать.

– Но я вернусь, если кто-нибудь тронет могилу. И в следующий раз так просто никто не откупится.

Ответа дожидаться не стал. Пошел прочь, по улице, обратно к холму.

Меня все так же провожали взглядами, но не лезли. Лишь когда я проходил мимо церкви, безумный священник с неухоженной бородой и вытаращенными глазами наскочил на меня с крестом:

– Отправляйся в ад, исчадие тьмы!

Он брызгал слюной, махал руками и не желал пропустить меня. Я не любил таких людей – их необразованность, помноженная на религиозное рвение, рождает страх. И этим страхом они заражают всех вокруг, точно блохи, разносящие чуму.

– Пошел вон! – с холодной яростью сказал я ему.

– Слугу божьего гонят! – заверещал тот и замахнулся на меня крестом.

Я выставил вперед черенок, защищая голову, и клирик ударил по нему с такой силой, что не удержался на ногах и упал на землю. Когда я уходил из деревни – он что-то выл у меня за спиной и грозил карами своим прихожанам за то, что они не желают стать орудием божьего гнева.

Обратная дорога на холм показалась длиннее, чем в прошлый раз. Не отдохнув, я начал рыть могилу под деревьями, сперва разбросав в стороны осенние листья. Проповедник пришел, когда я уже выкопал яму глубиной по колено.

– Они сюда не идут, – сообщил он мне. – Решили не связываться.

– Хорошо. – Я продолжал работать.

– Но Пугало... – Он не стал продолжать.

– Что Пугало?

– Оно крутится вокруг церкви и не расстается с серпом.

– Оно никогда с ним не расстается.

– Людвиг, ты знаешь, о чем я!

– Знаю. И чего ты от меня хочешь, тоже знаю.

– Ты что, не собираешься его остановить?

Я посмотрел на него долгим взглядом.

– Да перестань! – всплеснул он руками. – Даже такой человек, как этот святоша, не заслуживает смерти!

– У меня такое чувство, что ее заслуживает каждый из нас, – возразил я ему.

– А если оно его убьет?

– Даже Пугало должно есть.

– Послушай меня, старого дурака! – взмолился тот. – Сейчас ты зол на то, что он запретил хоронить твоего друга. Но люди темны и невежественны. Не делай того, о чем потом будешь жалеть!

Я выругался сквозь зубы, отбросил лопату в сторону и начал спускаться. Пугало я встретил на середине пути. Оно, задрав голову, наблюдало за тем, как с дерева срываются желтые листья. Его серп блестел, и на нем не было ни капли крови.

– Ложная тревога, – сказал я Проповеднику.

Пугало посмотрело на нас, как на придурков. Мол, нашли причину для беспокойства.

– Ну проверить-то стоило, – промямлил старый пеликан, увидел мое злое лицо и замолчал.

Я закончил рыть могилу, когда наступил полдень. Последний этап работы оказался самым сложным – внизу были древесные корни, пришлось постараться, чтобы глубина ямы доходила мне до бедра.

С находкой костей помогало Пугало. Те, что скрывались в листве, и я не мог видеть, оно обнаруживало без труда – тыкало пальцем в нужном направлении. Когда останки Ганса оказались в могиле, я засыпал их землей, вытащил из ножен свой кинжал, срубил ближайшее тонкое деревцо и из двух палок соорудил неказистый могильный крест.

– Он был хорошим человеком и стражем, – торжественно произнес Проповедник.

– Ты его не знал, как же можешь это утверждать? – удивился я.

– Ну... о мертвых обычно так говорят, – смутился он. – Гм... Лучше я произнесу молитву.

Он прочитал заупокойную, и я подумал, что в последнее время мой спутник уже не в первый раз так провожает стража.

Я посидел еще немного, не желая спешить и вспоминая, как во время Лисецкого бунта мы вылавливали в беснующемся городе тварей. Как Ганс подрался с Шуко из-за Розы, еще когда мы учились. Как мы сдавали свой последний экзамен на кладбище, и как потом старейшины вручали нам наши кинжалы.

Я завернул его клинок в тряпицу, убрал на самое дно рюкзака. Когда окажусь в цивилизованных краях – сдам его на уничтожение.

Проповедник тихонько кашлянул, отвлекая меня от тяжелых мыслей.

– Пора выходить. Путь к Вилочкам не близкий. Чем раньше мы отправимся, тем быстрее сядем в дилижанс.

– Я не иду в Вилочки.

– Как это? – удивился он. – Ведь это ближайший город. Постой! О нет. Я знаю такой взгляд! Ты что задумал?!

– Мой друг умер, Проповедник. И я намереваюсь узнать, почему это произошло.

Пугало покрутило пальцем у виска, и старикан поддакнул:

– В кои-то веки я с ним согласен. Ганс умер много лет назад, и найти хоть какие-то следы невозможно. Кости не могут говорить.

– Если я отступлю, то буду думать об этом постоянно и в итоге все равно вернусь сюда. Лучше все сделать сразу.

– И куда мы пойдем?

– Мальчишка сказал, что Ганс пришел с гор.

Проповедник издал звук, словно пускал ветры:

– А мой отец говорил, что ангелы создали пиво. Но это не значит, что ему стоило верить. Особенно когда он напивался.

– Раньше ты никогда не говорил о своей семье.

– А нечего здесь говорить! Ты не думаешь, что мальчишка врет? Что твоего Ганса убили, к примеру, деревенские?

– Будь это так – они спрятали бы тело получше. И уж точно каждый ребенок не знал бы об этом и не болтал перед приезжими.

Пугало кивнуло, соглашаясь с моими словами.

– Могло бы и поддержать! – возмутился старый пеликан. Он жутко не хотел лезть в горы и желал убраться из глухомани как можно скорее. – Ты ничего там не найдешь, кроме приключений на свою шею. А! Делай что хочешь. А я иду в деревню. Мне надоело годами ходить за тобой!

И он ушел.

– Вернется, – сказал я Пугалу, которое, привстав на цыпочки, провожало взглядом сутулую спину Проповедника. – Подобное уже случалось несколько раз. Ну, а ты? Остаешься или идешь со мной?

Одушевленный первым побрел по тропе, уводящей в лес, и я, подхватив рюкзак и арбалет, последовал за ним.

Хрустальные горы не такие протяженные, как те, что стоят вдоль Кантонских земель, но зато самые высокие. Зуб Холода и Монте-Роза – две вершины, подпирающие небо. О них многие слышали, но редко кто видел, поскольку пики находятся в нелюдимых местах, далеко от основных трактов. Из Бробергера в Чергий предпочитают добираться двумя низкими перевалами, по дорогам, которые приказал проложить еще император Константин. Здесь, на севере, единственный проходимый путь в Чергий – через перевал Горрграт, расположенный на западном плече Монте-Розы, на большой высоте, и преодолеть его можно только с середины лета, когда сходит снег.

Тот, кто идет туда, зависит от капризов погоды, и не каждый готов поставить на кон свою жизнь, чтобы перебраться через горы, когда в неделе пути отсюда есть куда более безопасная и торная дорога.

До основного горного хребта есть лишь одна тропа – она ведет к монастырю каликвещев, построенному среди снежных вершин. Зачем туда ходил Ганс? Шел ли он с перевала? Или не смог преодолеть его и решил поискать более легкий путь, вернувшись обратно?

У меня не было ответов.

С тех пор как я оставил деревню, прошло четыре дня. Сначала мой путь пролегал вдоль холмов, незаметно превратившихся в невысокие, поросшие ельником горы. И чем дальше я уходил на восток, тем выше они становились. Лес, взбиравшийся на них, оставлял открытыми вершины, похожие на тонзуру монаха. Могучие ели останавливались на невидимой черте, уступая место высокогорным лугам – зеленым проплешинам на телах каменных гигантов.

Широкие долины, залитые пока еще теплым осенним солнцем, незаметно сжимались под натиском надвигающихся друг на друга гор до тех пор, пока не превратились в ущелье с отвесными склонами. На дне его неслась ненасытная река, неистово скачущая по перекатам. Ее грохот не смолкал ни на секунду, и я так привык к нему, что перестал замечать. Бирюзовая ледниковая вода была обжигающе-холодной.

Небо сузилось до маленького ярко-голубого лоскута, солнце появлялось на недолгие часы, затем ущелье погружалось в густую тень, незаметно переходящую в сумерки. Я останавливался на ночевку заранее, до темноты, стараясь найти удобное место не слишком далеко от реки. Котелка у меня не было, так что воду нагреть я не мог, зато собирал достаточно хвороста, чтобы его хватало до утра. У огня ночью не так холодно.

Я клал рюкзак под голову, сняв с него свернутое в валик тонкое походное одеяло из овечьей шерсти. Это была необходимая вещь в осенних горах – спать на нем куда приятнее, чем на голой земле.

Несмотря на все предосторожности, порох, который я хранил в роге, отсырел после того, как я попал под сильный ливень, и оба моих пистолета стали бесполезны. Они стоили кучу денег, но я без всякого сожаления бросил их – оружие было тяжелым, а во время подъема это только мешает. Так что при мне остался лишь охотничий арбалет да восемь болтов к нему.

Он пригодился уже на следующий день. Когда я проходил через буковую рощу, то спугнул улара – упитанную, похожую на крупную курицу пеструю птицу, водившуюся в этих горах. Я снял его первым же болтом, радуясь своему везению: с наступлением осени улары иногда спускаются низко, а летом, чтобы встретить их, мне пришлось бы влезть на тысячу ярдов по отвесному камню.

Вечером я нанизал мясо на несколько прутиков, решив вопрос с едой на следующие пару дней. Как раз в это время вернулся Проповедник.

Он появился из мрака и сел напротив, совсем рядом с огнем, который не мог причинить ему никакого вреда.

– Долго тебя не было, – поприветствовал я его.

– Нам надо было отдохнуть друг от друга. Нашел что-нибудь интересное?

– Если не считать нескольких стоянок, оставшихся от охотников или пастухов, – ничего.

Никаких следов Ганса.

– Но ты продолжаешь упорствовать.

– И надеяться.

– Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взора Его?¹

– Цитата не к месту.

– Очень даже к месту. Надежды – нет. Упасть здесь как нечего делать. А горы создал Господь. Пора возвращаться, Людвиг.

Плечи Пугала затряслись – ему понравилось, как старый мошенник коверкает святое писание.

– До монастыря отсюда шесть дней пути. До Горрграта семь с половиной. Если перевал открыт – я перейду в Чергий. Если нет – пройду сколько смогу, загляну к каликвецам. Быть может, Ганса кто-нибудь из них видел.

Он раздраженно всплеснул руками:

– У тебя пустая голова! Ты не думал, что если твой друг умер от ран, то вряд ли он прошел все это расстояние до деревни? С раной он нипочем бы не преодолел такой путь. Если на него кто-то и напал, то это место мы уже миновали.

– Даже с ранениями люди могут жить долго. К тому же нельзя исключать яд. Или волшебство.

– Или он просто споткнулся и сломал шею.

– И эту вероятность тоже нельзя исключать, друг Проповедник. Быть может, он подхватил простуду и умер от соплей.

– Вы, стражи, не болеете.

– Именно об этом я и говорю. Он не мог умереть без причины. И я намереваюсь ее узнать.

– В безлюдных горах? Когда на десятки лиг вокруг никаких следов человека?

– Горы велики, но дорог в них мало. Все эти дни я шел по одной тропе. Если Ганс был на ней, рано или поздно я об этом узнаю. Или в конце концов спрошу у кого-нибудь.

– Святая Дева Мария! – взмолился Проповедник. – Я ведь только что сказал, что горы безлюдны!

– Ты не прав. Выше должны быть пастухи. Они спустятся с отарами в долины лишь к концу месяца. А еще выше Дорч-ган-Тойн, один из двух монастырей ордена каликвещев. Ну, а в местах, где нет людей, всегда есть иные существа.

Проповедник скривился, точно от зубной боли:

– Дьявольское племя. Ничего хорошего от них не жди. Я бы на твоём месте не лез с ними общаться. Это не Темнолесье, и Софии, чтобы тебя защитить, поблизости нет.

Старый пеликан частенько вспоминал серебряноволосую колдунью. Она поразила его воображение, но в этом он не был готов признаться даже себе.

– Буду осторожен, – пообещал я ему.

– Не понимаю тебя. Ведь ты, точно ищейка, последние недели рыл носом землю и внезапно все бросил.

---

¹ Иов. 41, 1.

– Ты не прав. – Я снял готовое мясо с огня. – Мне в любом случае надо в Чергий. Просто я иду туда по новой дороге.

Пугало с иронией подняло вверх большой палец. Оно оценило то, как я выкрутился. Но не Проповедник:

– Угу. Если не околеешь на Горрграте. Он и в сентябре может быть завален снегом по уши. Что тогда?

– Лето было жарким, и дождей мало. Большого снега нет, в этом я абсолютно уверен. У меня хватит сил, чтобы преодолеть перевал. Особенно если помогут монахи.

– Больно им надо тебе помогать.

Я начал ужинать, запивая мясо холодной водой, а Проповедник, помолчав, вкрадчиво сказал:

– Цыганский табор уж точно не проходил здесь.

– Тут ты прав, – не стал спорить я. – Но мы с Мириам проследили его путь в Шоссию. Табор пришел из Чергия, перед тем как в стране началась война. И мы оба считаем, что цыган получил темный кинжал там.

– Вот только она со своей уверенностью уже, наверное, в Арденау, а ты залез в глухомань, и эта тропа нисколько не приближает тебя к цели – узнать, откуда у цыгана взялась та богомерзкая железка.

– Но и не отдаляет. В Чергии смута. Обе дороги Константина забиты беженцами, и творится на них дьявол знает что. Здесь же – я пройду без проблем, которые мне могут доставить дезертиры, наемники, разбойники и армия. А когда окажусь на той стороне хребта – найду следы табора. Он был слишком большим, чтобы о нем никто не слышал.

Пугало встало, посмотрело во мрак, а затем, шагнув, вышло из круга света и растворилось в ночи.

– В таборе были сотни людей. И этот цыган-колдун... ты даже имени его не знаешь. Как ты проследишь путь мертвеца? Он каждый день мог говорить с сотней человек. Какой из них тот, кто тебе нужен?

– Однажды Гертруда сказала, что зло притягивает зло, друг Проповедник. И не исчезает без следа.

– Только на слова своей ведьмы ты и надеешься.

– Обычно она слов на ветер не бросает, – усмехнулся я.

Проповедник хотел сказать какую-то скабрёзность, это было видно по ехидному выражению на его лице, но осекся, так как на свет вышли четверо.

Иные существа. Маленькие, ростом мне по колено, лохматые, в одежде из беличьих шкурок. У них были зеленые глаза с вертикальными кошачьими зрачками и мордочки, очень похожие на ежиные. Двое казались постарше и подошли ближе, когда еще пара неуверенно переминалась на босых ногах возле самой границы света.

Таких я никогда не видел, но они выглядели безобидными, и я сказал:

– У меня есть мясо и немного хлеба.

– Не надо еды людей. Мы просто хотим посидеть у огня.

– Присаживайтесь.

Старшие подошли, сели и, не мигая, стали смотреть на пламя. Другие потоптались в отдалении еще с минуту и присоединились к своим товарищам.

– Не опасны ли они? – спросил Проповедник.

Я покачал головой.

Неспешно покончив с ужином, я сходил к реке, вымыл руки, а когда вернулся, то ничего не изменилось. Четверка продолжала следить за тем, как горят дрова. Мы сидели в глубокой ночи в тишине, пока угли не начали мерцать, и я подбросил пламени новую пищу. А затем, расстелив одеяло, стал готовиться ко сну.

– Ты что? Собираешься спать? – изумился Проповедник.

– А что? – спросил я, и ни один из гостей даже ухом не повел. Для них я словно и не существовал.

– А если, когда ты уснешь, они перережут тебе глотку?

– Я не собираюсь из-за твоих страхов провести ночь без сна. Дорога тяжелая, мне надо быть в форме.

– Дева Мария! Ты такой же кретин, как и все остальные стражи. Половина из вас мрет из-за излишней доверчивости и наивности!

– Нельзя бояться всего, что тебе непонятно. – Меня утомил этот разговор. – Оставь свою панику для более подходящего случая. В конце концов, если тебя так заботит мое здоровье – у тебя есть повод наконец-то побыть не только моей ходячей надоедливой совестью. Если возникнет опасность, просто разбуди меня.

Проповедник возмущенно вскинулся, хотел начать спорить, увещевать и кидаться цитатами из библии, но я враз пресек его атаку, улегшись на расстеленное одеяло и закрыв глаза.

Разбудил меня отнюдь не Проповедник. А молчаливый ночной гость. Только-только начинало светать, угли покрылись серыми лепестками пепла, тепла от костра больше не было, от реки тянуло холодом, и я сильно замерз.

Иной остался один, трое его товарищей ушли, решив не прощаться.

– Огонь – хорошо, – сказал он мне. – Теперь плата за него, кровь Темнолесья. Дальше, там, где уже не растут деревья и по земле ползет ледяной язык, – опасно.

– Опасно? – переспросил я, все еще приходя себя от тяжелого сна, в котором Гертруда сражалась с Кристиной. – Чего мне ждать?

– Дитя кустов. – Он увидел, что я не понимаю, смешно скривил ежину мордочку. – Ругару. Трех хозяев овец убил за лето.

Какое счастье, что здесь нет Проповедника. Старый пеликан, наверное, назло мне ушел куда-то и не мог слышать эту новость. Оборотень, убивший трех пастухов. Мой спутник точно бы запиллил меня еще до полудня.

– Спасибо. Я ишу своего друга. У него был такой же кинжал, как вот этот. Он должен был проходить здесь давно.

– Тут ходят только пастухи, и они не пускают к огню. Я не видел его.

Сказав это, он ушел. А я, приподнявшись на локте, встретился взглядом с Пугалом:

– Когда-нибудь видел ругару?

Оно покачало головой.

– Оборотни в диких местах не такая уж и редкость. В городах их встретить гораздо сложнее. Обычно с ними можно договориться, если они не голодны, нет полной луны, и люди не причиняли им вреда.

– Ругару? – спросил Проповедник, подходя от реки. – Почему это ты о них заговорил?

– Это так-то ты охраняешь мой сон! – сказал я вместо ответа.

– Ты был прав, Людвиг. Тебе действительно ничего не грозило. Эти существа всю ночь паялились на огонь, и на третьем часу мне стало скучно, и я пошел погулять. Так что там о ругару?

– Рассказывал о них Пугалу. – Я скатал одеяло.

– Нечего о них рассказывать. Жестокие, мстительные, да к тому же еще и людоеды. И помнят, что делали, когда превращаются обратно в человека. Таких надо стрелять сразу, как увидишь.

– У старины Проповедника порой радикальные способы борьбы с теми, кто не соответствует его идеалам, – обратился я к Пугалу, и то кивнуло, соглашаясь с моими словами.

– Ага, – обиделся он. – Не ты ли мне рассказывал, как драпал от того, «кто не соответствует моему идеалу», по лавандовому полю, и только заступничество святых позволило тебе спастись.

– Это старая история. В Темнолесье ругару меня не тронули.

– Потому что ты был гостем Гуэрво и Софии. Иначе бы твои обглоданные кости уже скрыла опавшая листва.

– Смотрю, с утра ты еще более пессимистичен, чем обычно.

– Я планирую оставаться в таком настроении до тех пор, пока ты не переберешься через этот чертов перевал и не окажешься в цивилизации.

– Ну, если под цивилизацией ты понимаешь войну, которая с цепом носится по стране, шарахая по всем, кто не успел от него увернуться, то я тебя не разочарую. Скоро мы будем в этой цивилизации по самые уши.

– Ты лишь обещаешь, – вздохнул тот, вытирая щеку от крови. – Путь неблизкий.

– Тогда не будем задерживаться. – Я закинул собранный рюкзак на плечи и зашагал по тропе.

Через несколько часов зарядил дождь, и угрюмое узкое ущелье стало еще более недружелюбным, чем обычно. Черные ели, влажные, вздымающиеся вверх скалы, низкие облака, клочьями застревающие в мрачном лесу и спускающиеся мне под ноги, закрывая обзор бледным саваном туманной дымки. Дождь сонно шелестел по желтой листве кустарника, по деревьям, по капюшону моей куртки, и Пугало, которое ненавидело это явление природы, злобно косилось на небо, не в силах что-либо сделать.

Река все так же грохотала на перекатах, то появляясь, то вновь исчезая за мшистыми камнями, стоило тропе в очередной раз вильнуть в сторону. Я видел бирюзовую ледниковую воду, и этот цвет помогал мне не падать духом. Он говорил, что там, наверху, дождя нет, иначе бы вода давно стала грязно-бурой.

Начался крутой подъем по скользкой почве, и довольно скоро я и думать забыл о чем-либо, кроме как о том, чтобы не грохнуться вниз и не переломать себе кости. Я порядком перепачкался в грязи, хватался руками за выступающие из тропы камни, подтягивался, переводил дух и лез дальше, пока не забрался в туман, ползающий по густому ельнику. Все вокруг стало не только мрачным и унылым, но и призрачным. Наша дружная тройка выглядела в этой бело-серой дымке как привидения, причем Пугало благодаря своей драной шляпе и алому мундиру казалось самым величественным, а я, слишком уставший и продрогший, самым жалким.

Проповедник, да благословят его все те святые, которых он поминает по сто раз на дню, на этот раз удержался от комментариев и не стал меня доставать тем, что я полез в горы и теперь расплачиваюсь за свое решение. Подъем, в другую погоду не такой уж и трудный, занял у меня гораздо больше времени, чем я рассчитывал, – почти всю светлую часть суток.

Наконец я выбрался на широкую площадку и сел на камень отдохнуть.

– Высоко мы поднялись? – поинтересовался старый пеликан.

Горы скрывались в низких облаках, и у него не было возможности определить, насколько к нам приблизились вершины.

– Не очень, – ответил я ему. – Видишь, вокруг растут буки. Это значит, что мы не преодолели черту леса. Когда он кончится, начнутся кустарники и камни. Луга. Потом снег. Здесь нет даже половины пути. Это была всего лишь самая легкая часть подъема.

Проповедник произнес богохульство, затем покумекал и буркнул:

– Ганс, если он проходил здесь, должен был иметь очень вескую причину для того, чтобы забраться в такие дебри. Но его я могу понять. Вы, стражи, как сумасшедшие собаки, носитесь где придется, и желательно, чтобы было как можно более уныло и опасно. Но клирики! Не понимаю, зачем каликвецам жить в такой дыре! Построить монастырь почти под самым

перевалом! Святая Матерь Божья! Здесь же никого, кроме них, нет. Ни паломников, ни нормальных дорог.

– Насколько я знаю, от Дорч-ган-Тойна есть прямая тропа вниз, мимо Зуба Холода, к Вилочкам. Путь занимает неделю, если идти быстро. Монахи ходят там, а не здесь. А паломники им не нужны – каликвецы закрытый орден. Воины церкви. Им ни к чему зеваки и прочие праздношатающиеся. В монастыре изучают церковную магию. Боевую, между прочим. – Я вспомнил, как брат Курвус зацепил меня своим волшебством, когда я убежал от страг.

– И ты считаешь, что тебя-то там примут с распростертыми объятиями.

– Братство никогда не ссорилось с ними. У них нет причин отказывать стражу, идущему к перевалу.

– Ну-ну. Не все каликвецы могут быть такими, как брат Курвус. Как не все инквизиторы такие, как отец Март.

– Мне ли этого не знать, приятель. – Я вновь встал на ноги. – Сегодня не собираюсь ночевать у реки, я и так достаточно продрог. Пойдем поглядим на эти чудесные буки. Быть может, нам удастся развести костер, и Пугало расскажет какую-нибудь занимательную историю. А то только мы с тобой разговариваем.

Проповедник радостно осклабился, словно услышал какую-то великолепную шутку. А Пугало равнодушно показало нам кукиш. Оно совершенно не собиралось изменять своим привычкам.

Утром все стало иным. Было ясно, тепло, насколько это можно сказать про осень, облака разошлись, открыв вершины.

В буковом лесу властвовала тишина, множество ручьев оказались забиты опавшей листвой и разлились, подтопив небольшие низинки, деревья были зелеными из-за лишайника, который рос на их искореженных, ветвистых стволах. Тропа петляла между ними, все время поднимаясь вверх по склону.

Когда я наконец завершил подъем, на фоне пронзительно-ясного голубого неба появились снежные пики, главным из которых был Зуб Холода.

– Святые угодники! – всплеснул руками Проповедник. – Какая дьявольская красота!

Одна из высочайших вершин горного хребта стояла обособленно. Больше всего она напоминала четырехгранную пирамиду с отвесными стенами, на которых с трудом задерживался снег. Серо-красная, выщербленная, с острыми гранями, она довлела над долиной.

– Пойдем, – сказал я.

– погоди! Дай полюбоваться!

– Сто раз успеешь. Ты будешь видеть ее все следующие дни. И с каждым разом она будет казаться все выше.

– А Монте-Роза?

– Мы пока еще слишком низко. Ее закрывает вон та похожая на трезубец гора. Нам придется залезть на ее гребень, туда, где кончается лес. Оттуда ты увидишь Монте-Розу, а если повезет, то и монастырь.

Проповедник прикинул на глаз расстояние и застонал.

Путника мы увидели, когда поднимались параллельно слетающей вниз горной речке, гораздо более узкой, чем прежняя, но не менее громкой. Человек в бело-коричневом плаще паломника отдыхал на большом плоском камне. Под ногами у него лежала котомка, у ног – прямой дорожный посох. Крепкий и надежный. С таким легко можно идти в гору и отбиться от разбойника, если умеешь, конечно.

Мужчина был цыганом – смуглое лицо, темные глаза, густые брови и усы, курчавые волосы с большим количеством седины, крестообразный шрам на правой скуле. Яркий, белый,

заметный издалека. Такие отметины я знал – подобным образом клеймили цыган в Ольском королевстве, считая людьми второго сорта. Обычно за этим следовала смерть, и чаще всего она оказывалась не легкой. Шуко рассказывал, что у его отца был точно такой же шрам, и смерти он избежал только чудом, вовремя успев покинуть страну, где через несколько дней после его бегства началась кровавая резня, в которой перебили почти двадцать тысяч из его народа.

– Цыган! – проворчал Проповедник. – В последнее время тебе везет на их племя. Тот, с которым ты встречался в прошлый раз, ткнул тебя кинжалом. Этот, возможно, огреет посохом. Гляди в оба.

Паломник чистил куриное яйцо и, даже заметив меня, не оставил своего занятия. Его узловатые пальцы продолжали снимать скорлупу, тогда как карие глаза неотрывно следили за мной.

– Доброго дня, – сказал я, не доходя до него. – Не ожидал встретить здесь путника.

– Я тоже, – негромко ответил он. – Голоден? У меня есть еще несколько куриных яиц и грудинка с хлебом.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Меня зовут Людвиг.

– И ты, судя по сапфиру на кинжале, страж, – кивнул он. – Я Роман.

– Как ты здесь оказался?

– Иду в монастырь от Вилочек. В тумане перепутал тропу. Потерял два дня, пока понял, в чем дело. Теперь возвращаюсь напрямик.

Он достал еду, положил на камень, правой рукой, на безымянном пальце которой я увидел полосу золотого кольца, показал, чтобы я присоединился.

– Я тоже направляюсь к монастырю.

– Ну, значит, дальше пойдем вместе. Если ты не возражаешь.

Я переглянулся с Пугалом и кивнул:

– Не возражаю. Вдвоем веселее. Видел ли ты еще людей поблизости?

– Вчера. Пастуха с отарой, на соседнем склоне. Было далеко, и я не услышал, что он мне кричал через ущелье. Что ты забыл у каликвещев?

Этот паломник, как видно, привык брать быка за рога.

– Ищу своего друга, который пропал в горах.

– Он тоже страж? – Вопрос прозвучал, но в карих глазах не возникло ни капли интереса.

– Да. А зачем тебе монахи?

– Не мне. Это меня пригласили. Я знаю древние языки, а в библиотеке Дорч-ган-Тойна есть несколько книг, которые никак не поддаются переводу.

– Паломник-переводчик. Необычно.

– Для цыгана, ты хочешь сказать? – усмехнулся он. – Я был достаточно умен, чтобы учиться. А плащ паломника купил у старьевщика. Он теплый.

Его история была вполне убедительной. Особенно если не думать о случайности встречи, о том, что он далековато зашел, прежде чем понял, что заблудился, и о том, что его глаза мне не очень нравились. Взгляд у этого человека был слишком бесстрастный и равнодушный.

Не стоило забывать, что где-то в горах бродит ругару, который может быть не только чудовищем, но и человеком...

Мой спутник оказался немногословен. Он пошел первым, двигаясь широкими шагами, переставляя посох и сторбив плечи. До следующего привала мы не разговаривали.

– Скоро самая сложная часть пути, – сказал Роман, положив свой посох поперек колен. – Река падает с отвесной скалы почти на сто ярдов. А подъем в виде каменных ступеней. Так что выбрось все, что может тебе помешать, страж.

– Что, например? – спросил я, уже зная ответ.

– Арбалет. Он тяжелый, а толку от него чуть. Здесь нет ни медведей, ни волков, ни барсов, ни людей. Не от кого защищаться.

– Зато встречается птица, которая может стать неплохим ужином. Так что не думаю, что это мудро – оставлять оружие.

Он пожал плечами:

– Как хочешь.

– Я все больше и больше не люблю цыган, – заявил Проповедник. – Шуко сумасшедший, а этот еще и странный какой-то. Не поймешь его.

Я старался беречь дыхание, но все равно подъем оказался не из легких. Цыган был точно двужильный, он даже не вспотел. Шагал вперед, словно одержимый демоном, и не выказывал никаких признаков усталости. К водопаду мы пришли через час после разговора об арбалете. Река срывалась с широкого карниза и падала вниз с ревом обезумевшей от крови толпы.

– Нам туда, – сказал Роман, указав наверх. – Там начинается плато и луга. По ступеням.

«Ступенями» он назвал каменные выемки, каскадами поднимавшиеся по базальтовой скале. Они были мокрыми, скользкими и совершенно не обнадеживали. У Проповедника эта дорога и вовсе вызвала сомнения:

– А нет ли другого пути?

Я не стал ему отвечать, посмотрел, как Пугало вошло в водопад и скрылось за ним, подтянул лямки рюкзака, чтобы он как можно меньше болтался на спине и не смещал мой центр тяжести.

Чем выше мы поднимались, тем сложнее становилось. Я перестал доверять только ногам и начал ползти вверх на четвереньках, цепляясь пальцами за мокрые, холодные камни. Роман двигался прямо надо мной, тем же самым способом, что и я. Посох он забросил себе за спину, соорудив из ремня петлю и надежно зафиксировав его рядом с котомкой. Иногда он оборачивался, проверяя, не отстал ли я, ловил мой взгляд, одобрительно кивал и вновь продолжал подъем.

Потом мы спугнули двух топлян. Они сидели на сильно выдающейся вперед ступени и наслаждались водными брызгами, падающими на них сверху. Заметив нас, речные жители зло сверкнули ярко-голубыми глазами, скользнули ужами, блеснув тусклой серебристой чешуей, и спрыгнули в поток.

Быть может, оттого что мы их рассердили, а может, из-за досадной случайности и моей неосторожности за десять ярдов до конца подъема моя левая нога скользнула по камню, и я потерял равновесие.

Впечатление было такое, словно кто-то невидимый из всех сил дернул меня за рюкзак. Я опасно отклонился назад, замахал руками, стараясь восстановить хрупкий баланс между собой и скалой.

Испугаться не успел. Лишь отметил краем сознания, что у Проповедника лицо перекошено от ужаса, а падать мне никак не меньше девяноста ярдов.

И в этот момент смуглые пальцы цепко схватили меня за правое запястье, дернули вперед, вырывая из распахнутой, голодной пасти бездны.

– Спасибо, – отдышавшись, сказал я.

Роман прочитал слово по моим губам и наклонился к уху, прокричав:

– Говорил же я! Брось арбалет!

И полез вверх. Когда я закончил подъем и оказался на пологом гребне, цыган ждал меня, а рядом с ним сидело Пугало, безучастно швыряя вниз камешки.

– Тебе надо отдохнуть, или идем дальше? – спросил мой спутник.

– Мне нужна минута, – ответил я. – Еще раз спасибо за помощь.

– Не за что, страж.

– Я ненароком рассмотрел твое кольцо, когда ты протянул руку.

Он только усмехнулся.

– Три пятиконечных звезды по ободу. Уполномоченный церковный легат.

– Сложно поверить, что такой, как я, служит церкви? – спросил он.

– Мой друг – страж. И он тоже цыган. И той же веры, что ты и я. Так что поверить легко. Значит, ты не разбираешься в древних языках?

– Я не врал тебе, Людвиг ван Нормайенн. В языках я разбираюсь прекрасно. И иду в монастырь ради его библиотеки.

– Не помню, чтобы называл тебе свое полное имя, Роман.

– В этом нет нужды. Я помню тебя. Видел в Вионе с отцом Мартом, когда на кардинала Урбана устроили покушение. Я служу его высокопреосвященству, так что в курсе того дела.

– Личный легат кардинала Урбана? – удивился я.

– Мир тесен, страж. А люди, которые занимаются похожим ремеслом, имеют такую особенность – пересекаться даже в глуши. Ну, что? Теперь идем?

Деревья остались внизу. Здесь рос только чахлый кустарник и короткая трава. Куда ни кинь взгляд, вокруг на склонах расположились луга, то и дело перемежающиеся каменными скоплениями. Мы шагали по хребту, по удобной прямой тропе, во сто крат легче той, которой я шел в прошлые дни.

Мы были в самом сердце Хрустальных гор. И центральный хребет – белая стена – протянулся с севера на юг. Справа от нас небо пронзал зуб Холода, слева огромным сахарным холмом, к вечеру укрывающимся алыми облаками, точно периной, вздымалась Монте-Роза.

– Мы где-то в трех тысячах ярдах над морем, – сказал Роман, хватая ртом воздух. – А эта красавица поднимается на все семь. Если не больше. Туда пока не залез ни один человек.

– Там нечего делать, – ответил я ему. – Лишь снег, лед, да духи мороза. Они не любят людей.

У меня немного болела голова и при быстрой ходьбе начиналась отдышка, но в целом я чувствовал себя не так уж и плохо. Горррграт на полторы тысячи ярдов выше, я видел его уже отсюда, хотя идти до него еще около трех с половиной лиг. Он располагался на западном отроге Монте-Розы, сжатый с одной стороны ее снежной величественной вершиной, а с другой – более низкой горой, отсюда напоминающей поседевшую улитку.

Сейчас было раннее утро, и из-за восходящего солнца снежный хребет походил на хагжитский шербет – был нежно-розового оттенка. Внизу, в долинах, лежали облака. Это было нереальное зрелище. Мы словно парили над миром, и дорога, по которой шли, все больше и больше приближала нас к ледникам. Я уже видел их сползающие с гор бело-голубые языки, мерцавшие на солнце, точно холодное пламя.

Ветер пах яркой свежестью и в то же время терпким левкоем, то успокаивался, то вновь начинал носиться по лугам и склонам с игривой беспечностью щенка. Я зарядил арбалет под удивленным взглядом цыгана.

– Решил заняться охотой, страж?

– Несколько дней назад я встретил иных существ. Они сказали, что где-то здесь живет ругару.

– Ты им веришь?

– Им незачем было врать.

– Ругару?! – возопил Проповедник. – Чертов оборотень, прости Господи! И ты говоришь об этом только сейчас?!

Мне пришлось проигнорировать его.

– Ты не спешил поделиться со мной этой информацией, – сказал Роман.

– Ругару мог оказаться и ты. Пока я не увидел кольцо, не был уверен в том, что передо мной не оборотень.

– Людвиг, я оскорблен! Мне-то ты мог сказать сразу! Пугало же ведь знало! По роже его вижу, что знало! Какое преступное наплевательство! – между тем продолжал распаляться Проповедник. – А еще друг называется!

– Вполне разумно, – рассмеялся легат кардинала. – Вот только ты не подумал, что кольцо я мог снять с какого-нибудь путника, а потом сочинить всю эту историю?

– Бесстыдство! – Проповедник взмахивая руками, удалялся. – Какому-то цыгану заблудшему рассказал, а мне – нет!

Я проводил его сутулую фигуру взглядом, затем повернулся к Роману:

– Кольцо и одежда – возможно. Но история с Вионом – сомнительно. К тому же сейчас полнолуние, и ночью я не заметил, чтобы ты обрастал шерстью.

Он вновь рассмеялся и сказал:

– Ну, надеюсь, что тебя все-таки обманули. Встречаться с тварями ночи не входит в мои планы.

К вечеру мы подошли к плато, заросшему замшелыми каменными грибами. Здесь выл пронзительный холодный ветер. На склоны опустился туман, вязкий и влажный, застилающий глаза, лезущий в рот, пахнувший едкой пряной травой и заманивающий к пропастям, которых вокруг тропы было великое множество. Вернувшийся Проповедник, все еще обиженный, ворчал, что темнеет и пора делать привал.

– Надо остановиться, – согласился я. – Или костей не соберем.

Роман подул на ладонь, и вокруг нас закружились какие-то насекомые, излучавшие ярко-желтый огонь, свет которого разогнал туман, отразился от шершавых поверхностей каменных грибов.

– Мать-заступница! Святой Коломан и все его мучители! Это не церковная магия! – подпрыгнул Проповедник.

Пугало остановилось да пригляделось к моему спутнику получше.

– Церковный легат, знающий древние языки, да еще и колдун к тому же. На службе у кардинала Урбана. Ты полон сюрпризов, Роман.

– Как и ты, Людвиг, – вернул он мне комплимент. – Его высокопреосвященство несколько раз говорил о тебе и твоих друзьях.

Мне это не слишком понравилось, но я сказал:

– Надеюсь, только хорошее.

– Кардинал помнит, кому он обязан жизнью, когда был еще епископом. А это, – небрежный кивок в сторону летающих насекомых, – всего лишь детские шалости. Уверен, что другие колдуны, которых ты, вне всякого сомнения, знаешь, способны на гораздо большее.

– Людвиг, спроси, есть ли у него патент? – подал «идею» Проповедник и тут же смутился, поняв, что сморозил несусветную чушь.

Разумеется, у легата кардинала должен быть патент Церкви, разрешающий заниматься волшебством.

– Не буду спорить, – ответил я цыгану. – Но люди твоей профессии обычно пользуется церковной магией, а не той, что считается темной.

– Только истинно верующий, свято отдающий себя всего Господу, способен на чистое, не запятнанное пороком волшебство. Я слишком слаб духом и полон сомнений, для того чтобы Господь проявил ко мне милость и наградил таким даром. Но и тот, что есть у меня, верно служит Церкви и Господу. Тебя это смущает?

– Меня давно уже ничто не смущает.

Он усмехнулся:

– Да, стражи порой не гнушаются пользоваться услугами тех, кого иные считают запятнанными. Ваши цели оправдывают те средства, которые вы используете для сражений с темными душами. Я готов это понять.

Он пошел вперед, освещая мрачную дорогу, и я поспешил за ним, не желая оставаться в тумане, который охотящейся кошкой следовал за нами, держась границы круга света.

– Ты собираешься не останавливаться всю ночь? – Я не убирал рук с арбалета.

– Ниже есть землянка, где летом иногда живут пастухи. Заночуем под крышей и с комфортом.

– Как далеко?

– Пока мы, точно святые, шествуем среди облаков, ничего конкретного сказать не могу. Часа полтора ходу.

Эти полтора часа были удивительно длинными, и я вздохнул с облегчением, когда мы начали спуск с плато.

Черная проворная тень прыгнула с вершины каменного гриба. Я, будучи настороже, крикнул, предупреждая Романа. Вскинул арбалет.

Косматая туша с длинной зубастой мордой в один прыжок оказалась передо мной. Колючей голодной злобой сверкнули золотистые глаза. Но он не бросился на меня – внезапно извернувшись всем телом, взмыл в воздух и прыгнул на цыгана.

Клацнули страшные челюсти, тут же облако сияющих насекомых взорвалось, их прозрачные крылышки разлетелись в стороны, упав на землю точно снежинки, а ругару проехал по земле добрый десяток ярдов, сильно ударившись боком о камень. Проповедник верещал, чтобы я немедленно бежал и спасался, но я даже не подумал об этом.

Цыган стоял на коленях, оборотень, отброшенный магией, вставал на четвереньки, оглушенный атакой. Я прицелился, выстрелил и попал, судя по тому, как взвыл нападавший. Он встал на задние ноги, повернул ко мне оскаленную морду, но цыган швырнул с открытой ладони нечто чернильно-черное, и ругару снова прыгнул, но теперь уже не на нас, а во мрак, подальше от колдовства.

– Господи спаси! Господи спаси! Господи спаси! – молился Проповедник.

Пугало молитвы не жаловало, поэтому просто наблюдало за всем происходящим со стороны и, судя по его виду, было крайне довольное случившейся скоротечной схваткой.

Первым делом я перезарядил арбалет, а затем уже бросился к цыгану. Тот больше не стоял на коленях, а лежал на спине. Его грудь тяжело вздымалась.

– Ты цел?

Крылышки, лежавшие на земле, гасли, вокруг разлилась тьма, со всех сторон подступил туман, и разглядеть хоть что-то, когда сердце стучит у самого горла, а разгоряченная кровь шумит в ушах, было не так уж и просто.

– Сейчас, – сказал Роман, и в воздухе закружился всего лишь один волшебный светлячок. На этот раз горел он гораздо более тускло, чем прежде. Бледного света едва хватило для того, чтобы рассмотреть все хорошенько.

– Казни хагжитские! – за всех нас произнес Проповедник.

Пугало подошло поближе, чтобы лучше разглядеть окровавленное плечо цыгана. Оно было все изодрано зубами, текла кровь.

– Плохи мои дела, страж, – сказал легат кардинала.

Я достал из рюкзака чистую тряпку, залил рану бальзамом, который оставался у меня еще с тех пор, когда лечили Карла, и взялся за перевязку как раз в тот момент, когда Роман потерял сознание.

– Зачем ты это делаешь? – удивился Проповедник. – Не милосерднее ли убить его?

– Что-то не совмещаются у меня в сознании эти два слова – милосердие и убийство. Будь добр, оставь дурные советы при себе, – не прекращая своих действий, отозвался я.

– Приглуши жалость и включи рассудок, Людвиг. Его цапнул ругару. Это все равно что укус ядовитой гадины. Он не переживет ночи и умрет в мучениях. Господь...

– Не давал мне указания убивать человека. Если ему надо, то он сделает это сам. Не сомневайся. У окулла тоже был смертельный яд, но я до сих пор жив.

– Тебя лечила София. И ты тогда умер, если помнишь.

Я бросил рюкзак и котомку цыгана, также оставил арбалет и с трудом взвалил раненого себе на плечи. Он был гораздо легче меня, но все равно тащить его на высоте оказалось не просто.

– Что ты задумал? – поинтересовался старый пеликан.

– Дойти до пастушьей землянки. Она где-то близко.

– А если ругару вернется, пока ты прешь цыгана на закорках?

– Значит, будет не один мертвец, а два.

Я сделал шаг, и, по счастью, светлячок послушно полетел рядом, освещая путь. Пастушья землянка – торчащая над травой крыша из хвороста и низенькая дверь – появилась справа от тропы спустя триста непростых шагов. Низкий потолок, одно оконце, одна лавка, старый очаг и сильный запах сухих трав – чабреца, душицы и зверобоя.

Неизвестный пастух оставил в углу какое-то количество дров, которые поднял снизу, оттуда, где росли деревья. Я разжег огонь, осмотрел повязку. Она намокла от крови, так что я заменил ее, вновь залив разорванные мышцы бальзамом.

Я потрогал лоб Романа, он был ледяной. Поднял веко, но зрачок не реагировал на свет, был большим и неестественно черным.

– Плохо дело, Людвиг. Быть может, мне помолиться за него?

– Молитва не помешает. Сиди с ним, читай молитву и, если хватит сил, попробуй бросить еще дров в огонь, когда тот начнет гаснуть.

– А ты куда?

– А я собираюсь принести противоядие и дать ему пожить еще немного.

– Противоядие от укуса оборотня?! Откуда ты о нем знаешь?

– Мне рассказывала Гертруда.

– Она ведьма.

– Скажи что-то новое.

– Где-то там, во мраке, тебя поджидает чудовище.

– Нет времени пререкаться с тобой, дружище.

Я вышел на улицу, и светящееся насекомое полетело за мной, словно чувствуя, что я пытаюсь помочь их хозяину. Пугало увязалось следом. Я не возражал. Пускай в большинстве своем оно не помощник и предпочитало быть наблюдателем, но порой его компания оказывалась не лишней.

Если честно, я боялся, что ругару вернется. Что он прячется где-то за камнями и ждет меня. Но страх – дурное чувство. Я приглушил его и довольно быстро оказался там, где на нас напали. Рюкзак закинул на плечи, котомку решил забрать на обратном пути. Арбалет валялся на земле. Осмотревшись, я нашел следы больших лап, пошел по ним и через пять шагов увидел темную кровь на лишайнике. А еще несколько минут спустя, в цирке, образованном несколькими горными склонами, наткнулся на ругару.

Он лежал за камнями, его бок тяжело вздымался, и, когда я подошел достаточно близко, страшная морда повернулась в мою сторону.

– Я думал, что ты с нами, кровь Темнолесья, – просипел он.

Я посмотрел в тускнеющие золотые глаза и ответил:

– С вами. Пока вы не трогаете людей.

Теперь было понятно, почему он не напал на меня – почувствовал магию Софии. Иные существа, тот же визаган, ненавидящий людей, не желают убивать то волшебство, которое невольно живет во мне. Это вновь спасло меня сегодня.

И убило оборотня. А возможно, и Романа.

Насмешка судьбы. Не иначе.

Его лапы конвульсивно дернулись, корябая страшными когтями камни, и через две неполные минуты он умер. Огромное лохматое тело стало истончаться, таять, словно лед, оказавшийся на жарком солнце. Шерсть превращалась в серую дымку, лапы укорачивались, морда становилась плоской. Кости хрустели, двигались, меняли свое положение, и вот среди холодных камней, в тумане, уже был не страшный оборотень, а исхудавший немолодой мужчина с черными, как ночь, волосами и искаженным от боли уродливым лицом. Арбалетный болт, под углом торчавший у него над правой ключицей, не оставлял сомнений в причине смерти.

Пугало подошло к телу, ткнуло носком дырявого ботинка, пожало плечами. Мол, ничего интересного. Вопросительно посмотрело на меня.

Я взял мертвеца за плечо, перевернул на спину, достал кинжал. Сомнений у меня не было. Я знал, для чего это делаю.

Разрез от горла вниз, до самого живота. Затем два поперечных. Кровь, потекшая из ран, дымилась на холоде, вокруг запахло железом и плотью. Я не останавливался, пока не обнажил ребра и грудину.

Пугало дышало мне в затылок, и его едва не потряхивало от восторга из-за того, что я устроил тут мясную лавку.

– Мне нужен твой серп, – сказал я ему. – Он режет кость лучше, чем мой клинок.

Кажется, в этот момент мой авторитет у Пугала возрос до небес. Оно едва не пустилось в пляс и протянуло мне свое страшное оружие.

Я впервые держал его серп в руке. С виду очень простой предмет – истертая деревянная рукоятка, полоса изогнутого металла, оточенного до бритвенной остроты. Но стоило приглядеться, заглянуть чуть глубже, за призрачную основу, чтобы увидеть, какая сила и мощь заключена в оружии.

Я провел острым лезвием у грудины, и ребра, точно бумага, не выдерживали этих прикосновений – срезались без всякого усилия. Мне не составило труда вскрыть грудную клетку и извлечь сердце.

Пугало было зачаровано действием, словно морской разбойник, на глазах у которого из пучины поднимали затонувшие сокровища.

Как и кровь, сердце на холоде дымилось. Я вернул одушевленному серп. Тот благоговейно принял его, не спеша убирать за пояс, наблюдая, как тягучие капли медленно стекают по лезвию и падают в лишайник.

Дорога обратно, как мне показалось, заняла довольно много времени. Пугало не отставало ни на шаг, бежало за мной едва ли не вприпрыжку. Оно чувствовало, что это еще не конец.

Когда я ввалился в пастушью землянку, ничего не изменилось. Костер еще не прогорел, Проповедник читал молитву, Роман метался в горячке.

– О, Боже мой! – воскликнул старый пеликан, увидев мои руки. – Ты ранен?! Господь Всемогуций! Что это?!

Я положил человеческое сердце на пол, сказав:

– Ругару мертв. Так что это ему больше ни к чему.

Пока Проповедник потрясенно разевал рот, переводя взгляд с моего трофея на меня, я быстро обшарил землянку, ища какую-нибудь крупную емкость, но нашел лишь глиняную кружку.

– Ладно. И это сойдет. – Я направился к протекавшему поблизости ручью, набрал воды, поднял с земли первый попавшийся камень. Вернулся, взялся за кочергу и сгреб угли.

– Что ты собираешься делать?

– Сварить противоядие от слюны оборотня. Чтобы цыган выжил.

– И для этого тебе нужно сердце?

– Сердце ругару, который укусил. Кровь человека, которого укусили. Кровь человека, которого не кусали. Еще вот булыжник.

– Ты извлек органы из мертвеца! Это некромантия!

– Скорее старые крестьянские обряды. Ругару кусали людей и прежде. И те нашли способ, как выжить.

– Инквизиция...

– Инквизиция далеко. Церковь разрешает врачам вскрывать трупы, если это на пользу. Считай меня врачом, а его больным, которому срочно требуется помощь. – Я полоснул кинжалом по большому пальцу на руке цыгана, выдавил в воду несколько капель крови. Затем капнул своей, поставил кружку на угли и начал резать сердце.

Пугало наблюдало и облизывалось. У Проповедника был такой вид, словно его в любой момент могло стошнить.

– Я знал, что твоя ведьма научит тебя дурному, – простонал он.

– Если ты будешь досаждать мне, я попрошу Пугало выбросить тебя вон, – прорычал я, продолжая заниматься этой отвратительной готовкой. – Если я ошибусь, то второго сердца ругару у меня поблизости нет. Не мешай.

– Все не влезет в кружку.

– Все мне и не нужно.

Я закончил нарезать куски, проверил воду, она как раз начинала закипать. Нужных слов, которые обычно произносят колдуны, готовя зелья, я не знал, так что понадеялся на то, что слова менее важны, чем ингредиенты.

Когда вода закипела, я положил в кружку несколько частей сердца, остальное бросил на угли. Запахло жареным мясом, по комнате пополз дым, и Пугало ловило этот аромат человечины, словно грешник, внезапно дорвавшийся до цветов, растущих в райском саду.

Я вышел на улицу, оставив дверь открытой, сходил к ручью и хорошенько вымыл руки ледяной водой. Проповедник подошел ко мне, откашлялся и сухо произнес:

– Даже если он будет спасен от яда, то его душа...

– Слушай, не говори ерунду. Это болезнь. С его душой ничего не будет, уж можешь поверить специалисту по темным душам.

– Все равно. Если ты спасешь его, то в нем будет жить зверь.

– Я в курсе.

– И ты откроешь дорогу в мир для оборотня?! Иного существа?!

Я вздохнул:

– Иные существа не всегда зло. Одно я знаю – у меня есть возможность спасти жизнь. И я не дам ей пропасть.

– Буду надеяться, что сейчас тобой руководит Господь, а не кто-то другой, – сдался он. – Пугало-то точно надолго запомнит эту ночь. Еще немного, и оно заговорит от восторга.

Мы вместе вернулись обратно. Цыган был очень плох, но кровь из раны сочиться перестала. Зелье я продержал на огне довольно долго, то и дело снимая его, как только оно начинало закипать, остужал и ставил на угли снова. Затем, когда оно было готово, что подтверждала бледно-голубая пена, кинул в кружку камень.

– Все, – наконец сказал я.

– И что теперь? – откликнулся Проповедник, неодобрительно следя за всеми манипуляциями.

– Теперь, как только отвар остынет, я напою цыгана.

– А булыжник для чего?

– Его следует положить на рану, чтобы он вытягивал и впитывал в себя яд.

– Ты действительно веришь, что это спасет его?

– Ответ ты узнаешь через несколько часов.

Я оказался прав. Когда ночь подходила к концу, Роман перестал метаться в горячке и его дыхание стало ровным.

Я перевернул лежащий на его ране камень, который с одной стороны потрескался и начал крошиться. Затем бесцеремонно залез в котомку цыгана, без всякого аппетита съел сухарь и кусок грудинки. Только потому, что надо было поесть.

– Судя по всему, он выживет. Поздравляю, Людвиг. Твоя ведьма знает свое дело, а в мире появился еще один оборотень. Вот только разве это жизнь? Быть оборотнем?

– Дышать, мыслить, чувствовать? Думаю, что да. Это жизнь. У каждого из нас свои изъязны, но лучше существовать с ними, чем лежать в могиле.

На это ему возразить было нечего.

Утром Роман так и не проснулся. Я подхватил арбалет и ушел на охоту. Повезло мне лишь через несколько часов, когда я заметил стадо горных коз, лазающих по скалистому склону. Я подстрелил ближайшую ко мне, еще не старую, с буро-рыжей шерстью, но всего лишь ранил. Она скакнула в сторону, не удержалась на карнизе и рухнула с обрыва вниз, тогда как все остальное стадо резвыми прыжками унеслось вверх, на недоступную человеку вершину.

Мне потребовался еще час, чтобы найти спуск, добраться до козы и освежевать ее. Когда я вернулся с тушей домой, Роман сидел, укрывшись моим одеялом, и жадно пил воду, которую я для него оставил. Его колотил озноб, а глаза были ярко-золотистые и совсем не человеческие.

– Он уже час такой, – сообщил Проповедник, забившийся в противоположный угол, словно цыган мог причинить ему какое-то зло.

– И кто из нас полон сюрпризов, ван Нормайенн? – спросил Роман, ставя опустевшую кружку на пол. – Уж чего я не ожидал, так это что страж способен сварить «Волчью сладость».

– У меня были хорошие учителя, – ответил я, сбрасывая с плеча добычу.

– Передавай им мою благодарность. Какие слова ты произнес над зельем?

– Никаких.

– То-то мне так хреново. Но это лучше, чем если бы ты превратил варево в молоко или случайно вызвал какого-нибудь демона. С последствиями я справлюсь.

– Еще воды?

Он облизал языком потрескавшиеся губы:

– Да. И мяса. Сырого. Пока я не захлебнулся слюной.

Я отрезал для него козлиное бедро, взял кружку, наполнил в ручье. Когда вернулся, Роман рвал зубами мясо, стараясь пережевывать его не торопясь и не глотать кусками. Вид у него был немного страшноватый и безумный, особенно с окровавленным ртом, но меня смутить этим было сложно. Я успел повидать куда более страшные вещи.

– Трансформация требует много сил. Мой организм перестраивается. Извини, если со стороны это выглядит очень уж отвратительно, – сказал он, когда в его руках осталась лишь кость.

– Я предполагал, что ты проснешься голодным. Как твое плечо? Мышцы были сильно разорваны.

– На мне заживает как... на собаке. Видно, Господь не зря пересек наши дороги. – Он плотнее закутался в одеяло, вытянул ноги в стоптанных сапогах. – Я хотел попросить тебя убить меня, но потерял сознание. Хорошо, что не успел.

– Ну, по крайней мере, ты не держишь на меня зла за то, что я тебя вылечил.

– И за то, что я теперь не совсем человек? – Он сверкнул усмешкой, и мне показалось, что его зубы несколько острее, чем были день назад. – Жизнь слишком дорога, чтобы отказываться от такого подарка. Моя... болезнь займет дней пять, может быть, неделю. Затем я буду таким же, как всегда. Человеком. Потому что меня не прельщает бегать по пустошам в чем мать родила, воровать овец и выть на луну.

– Тебя не пугает звериная сущность?

– Нет. С любым зверем можно справиться. Пожалуй, следующую порцию мяса я бы съел зажаренную. Если это не сложно для тебя.

Я стал разводить костер, а он между тем продолжил, глядя сквозь Пугало:

– Зверя можно подчинить и воспитать. Я не страшусь этого и смогу жить с новым «я».

– Предпочитаешь смотреть на жизнь положительно?

– Обычно нет. Но готов получить несколько плюсов из той неприятности, что со мной случилась. В моей работе они пригодятся.

– В работе знатока древних книг или легата кардинала?

Он хмыкнул, следя за тем, как я возжусь с мясом:

– Церковь принимает в свое лоно всех, кто готов уверовать и быть с Христом. Даже таких чудовищ, как теперь я.

– Спешу тебя разочаровать, – сказал я. – Тебя вряд ли можно назвать чудовищем, Роман. Я хорошо знаком с ними. И некоторые из них когда-то были людьми.

– Ты о темных душах?

Я посмотрел на Пугало, на Проповедника:

– И о тех, кто еще не стал ими. Больше всего чудовищ не среди ругару, старг или боздуханов, а среди нашего племени. Хуже людей я пока никого не встречал.

– Я обдумую твои слова на досуге, страж, – серьезно сказал он.

Он еще раз поел, а затем вновь заснул на несколько часов.

Пугалу стало скучно, оно вытащило из кармана кость ругару, взятую в качестве памятного сувенира, и стало серпом что-то вырезать.

Я принес еще воды, затем зажарил все мясо, чтобы оно не пропало.

– Когда ты собираешься уходить, Людвиг? – Проповедник, все это время гулявший по склонам и любовавшийся Монте-Розой, сверкающей снежной шапкой на фоне яркого неба, вернулся и заглянул в землянку.

– Уйду, как только ему станет лучше и его можно будет оставить.

– С кем ты разговариваешь? – Цыган уже не спал и смотрел на меня золотистыми глазами.

– Со светлой душой.

– Хм. Забавно смотреть, как человек общается с невидимым собеседником. Если эта душа предлагает тебе уйти, то я, пожалуй, встану на ее сторону.

– Почему?

– Ты и так достаточно со мной повозился. Мне уже гораздо лучше, силы очень быстро возвращаются. Через два дня луна пойдет на убыль, а пока находиться рядом со мной не слишком разумно. Я буду занят войной со зверем и не хотел бы, чтобы ты пострадал ненароком. Так что, если тебя ничто не держит, лучше уходи. До Дорч-ган-Тойна отсюда полтора – два дня пути. Вверх, где на нас напал ругару, и по хребту в сторону Монте-Розы.

– Хорошо, – к огромному облегчению Проповедника сказал я. – Если ты уверен, что справишься в одиночку, я отправлюсь своей дорогой.

– Уверен.

Он следил за тем, как я собираю вещи. Одеяло я оставил ему, как и всю еду. Затянул тесемки рюкзака, закинул его на плечи.

– Пора прощаться.

Мы пожали друг другу руки.

– Теперь я понимаю, что в тебе есть такого, чего нет во мне, страж. – В его золотистых глазах бесновалось пламя. – Почему оборотень бросился на меня, а не на тебя. Чувствую это в твоей крови, но не знаю его названия...

Кровь Темнолесья. Изначальная магия всех иных существ. Я ничего не сказал ему на это, и он спросил:

– Знаешь, как с волкодлаками поступают в моем народе? Их давят лошадьми или закапывают живьем. Не важно, что ты не хотел становиться зверем. Ты проклят навеки и бесчестишь семью. Любой из твоих родственников считает правильным прикончить тебя. То, что ты сделал для меня, – не сделал бы никто из моей семьи. И я этого не забуду.

– Ты уже можешь помочь. – Мне пришла в голову мысль, которая должна была появиться гораздо раньше. – Что мне следует сделать, если я хочу узнать, с кем общался человек из табора в определенном месте?

Он ничем не показал своего удивления:

– Поговорить с кем-нибудь из табора. Там все на виду, и нет никаких тайн.

– А если ни табора, ни этого человека больше нет в живых?

– Даже так? – Он задумчиво потянул себя за указательный палец правой руки. – Тогда я бы поговорил с кем-нибудь из осведомителей инквизиции.

– Со стукачами?

Цыган поморщился:

– Стукачи, страж, это те, кто во время исповеди рассказывают своему духовному отцу что-нибудь о соседях. Осведомители не мелют сказки из зависти или для того, чтобы очернить знакомого. Это профессионалы, собирающие ценную информацию и следящие за неблагожелательными для веры лицами, которым требуется надзор, но им пока еще рано предстать перед инквизицией. Например, есть те, кто всегда наблюдают за цыганским табором. Попробуй найти такого и задать ему вопрос. Быть может, тебе повезет.

Он подал интересную идею, а когда я уже брался за дверную ручку, цыган окликнул меня:

– Твой друг. Давно он пропал?

– Очень давно. Ты что-то знаешь об этом?

– Вчера бы я сказал, что нет. Но сегодня обстоятельства изменились. – Смех у него был безрадостным. – Быть может, это никак не связано... Лет девять, а может, и все двенадцать назад, точно не помню, монахи нашли недалеко от монастыря два тела. Оба мертвеца, по слухам, из Ордена Праведности. Вы, стражи, не слишком их любите. Быть может, твой друг что-то не поделил с ними.

– Быть может... – задумчиво протянул я. – Что-то еще?

– Всего лишь один совет. Расспрашивай каликвещев с осторожностью. Мало ли куда заведут тебя вопросы. Порой они могут быть опаснее зубов ругару.

– Зачем ворошить далекое прошлое? Я не понимаю. Ты думаешь, если с тобой что-то случится, Гертруда этому обрадуется?

– Ты изумляешь меня, Проповедник. В кои-то веки назвать Геру не ведьмой и использовать ее имя в качестве аргумента. Несвойственный для тебя ход.

– Просто я исчерпал другие свои козыри. – Он хмуро поправил врезавшийся в шею белый воротничок. – Я чувствую, что ничего хорошего в Дорч-ган-Тойне ты не найдешь. Монастыри ничуть не лучше тюрем. И в тех и в других без следа исчезло достаточно большое количество людей. Я соглашусь с цыганом – не те вопросы не тем людям могут привести к очень печальным последствиям.

– Я в курсе. Спасибо.

– Ты только обещаешь. А сам лезешь то к маркграфу Валентину, то еще к какой-нибудь, прости Господи, дряни. Все только и ждут, когда тебя можно будет прикончить.

– Твоя забота и беспокойство за мою жизнь очень меня трогают. Но не сгущай краски. Лучше подумай о том, что здесь забыли законники?

– Какую-нибудь мерзость.

Пугало серьезно кивнуло, одобряя эту версию. Орден Праведности находился у него на первом месте среди личных врагов.

– И дорога этих двоих привела их в монастырь каликвещев.
– Трoих, Людвиг. Трoих. Ты забыл о Гансе. Он тоже пришел туда в то же время, что и они.
– Роман не сказал, когда точно нашли тела. Так что это всего лишь теория, – покачал я головой.

– Даже мой проломленный висок чувствует, что она верна. Это похоже на тупой анекдот: собрались как-то вместе страж, законник и клирик...

– Умоляю, избавь меня от кабацких шуточек!

– Как хочешь. Но я буду ее придерживаться. Что Ганс не поделил с Орденом? Остается понять причину ссоры.

Я приложил ладонь козырьком, рассматривая открывающуюся впереди дорогу:

– Тысячи причин. И ни одной.

Я шел вдоль Юрденмейда, лежащего на двести ярдов ниже тропы. Он спускался со склона Монте-Розы и огромной серо-белой тушей полз по ложбине, которую пропахал своим телом в базальте – в долинах превращаясь в бирюзовые речные потоки.

Ледник был ребристый, с множеством трещин, в некоторых мерцала синяя талая вода. Стоило облакам закрыть солнце, как лед становился серым и казался грязным, шершавым и очень неприветливым. Но едва яркие лучи касались его, оживал, вспыхивал ярко-голубым и блестел ослепительно-белым. Порой он стонал, и раздавался приглушенный расстоянием звук, словно ломается сухая ветка, – это появлялись новые трещины. Кое-где лед провалился, и из темной бездны торчали лишь сине-голубые неровные колонны, каждая высотой в тридцать ярдов.

Пугало косилось на ледник с интересом, а затем спрыгнуло со склона вниз.

– Что оно там забыло? – спросил Проповедник, впрочем не ожидая от меня ответа. – Провалится в трещину, не выберется. Они небось достают до самого ада.

– Не думаю, иначе здесь бы все растаяло, – усмехнулся я. – Но пропасть в них можно с легкостью. Иногда в расселинах находят замерзших людей, живших задолго до Христа. А в Кантонских землях, как я слышал, два года назад ледник выплюнул нескольких воинов императора Константина со штандартом их легиона.

– Дьявольская шутка все это. Кому охота лежать тысячу лет во льду, чтобы его потом отыскал какой-нибудь кретин вроде Пугала и ткнул палкой? – Он pokrутил плешиной головой. – А где монастырь?

– На четыреста ярдов выше. Вон за тем уступом, где ледник делает поворот и спускается в долину.

– А Горрграт?

– Прямо перед тобой. – Я указал в нужном направлении.

Он минуту мрачно молчал, затем умоляюще произнес:

– Скажи, что ты пошутил.

– Увы. Это не шутка.

Отсюда сжатый двумя горами перевал был как на ладони. Серповидная вырезка, буква V, по краям которой спускалось два ледовых поля. Он находился на тысячу ярдов выше нас и казался таким же неприступным, как и тень Монте-Розы, укрывающая его.

– И как ты намерен туда взобраться? Отрастишь крылья? – Проповедник даже посмотрел мне за спину, на тот случай если я вдруг прячу их под курткой.

– Это старая дорога. Она начиналась от монастыря.

– Старая дорога? Часть пути придется преодолеть по леднику.

– Да. Надо будет пересечь долину по Юрденмейду. А дальше во-о-он по той каменистой тропинке. Видишь ее?

– Прекрасно вижу, – ядовито сказал он мне. – Как и ледяную шапку, нависающую над дорогой. Она размером с деревню, и если рухнет на голову, то от тебя не останется даже костей.

Я пожал плечами:

– Когда-нибудь она, конечно, упадет. Но необязательно это должно произойти в тот момент, когда рядом окажется моя голова. Меня гораздо больше беспокоит поход по леднику и скрытые трещины. Он все время движется, и дорога постоянно меняется. Я поговорю с монахами, у них должен быть на примете надежный путь.

Старый пеликан откашлялся:

– Одно радует в твоём безумном предприятии. Я не смогу умереть второй раз. Так и быть, скажу твоей ведьме, где ты помер.

Я рассмеялся:

– Очень любезно с твоей стороны, Проповедник, но не надо торопить события.

Была середина дня, солнце пекло, я даже снял куртку, несмотря на высоту, и совсем было пригрелся, как ветер сменился и подул с ледника. Разом пропали все иллюзии о том, где я нахожусь, – холодное дыхание вершин пробирало до костей. Оставалось лишь порадоваться, что к ночи я уже доберусь до монастыря.

Начался подъем, и я сосредоточился на нем, останавливаясь через каждые двадцать шагов. Ломило виски, немного немели пальцы – первые признаки того, что к этой высоте я пока не привык. По правую руку от меня, величественный в своей неприступности, высился Зуб Холода, слева лежали зеленые долины. А прямо передо мной тянулся клыкастый центральный хребет Хрустальных гор, жемчужиной которого была Монте-Роза. У ее подножия, рождаясь из ползущего со склона ледопада², начинался Юрденмейд.

Монастырь каликвещев, сложенный из серого камня, выглядел несокрушимой крепостью, которая стояла возле самого ледника.

– Теперь остался лишь небольшой спуск, затем по берегу вон того озера, поворот за эту гряду, и мы на месте.

– И слава Богу, – откликнулся Проповедник.

В приподнятом расположении духа мы дошли до идеально круглого озера. Сквозь прозрачную воду было видно множество длинных пожелтевших водорослей, колышущихся на мелководье. На берегу сидела компания скирров – одноглазых подземных жителей в мешковатых одеждах из козлиных шкур.

Увидев меня, они перестали громко браниться и плевать в воду. Один пихнул другого локтем, шепнул что-то на ухо.

– Эй, гладкокожий! – крикнул тот. – Порох есть? Продай!

Он встал на ноги, оказавшись на три головы ниже меня, протянул руку с четырьмя длинными пятипалыми пальцами, и я увидел, что у него на ладони тускло поблескивает слиток золота приличного размера.

– У меня нет пороха.

– Тьфу ты! – сплюнул крайний скирр. – Говорил же вам, что не помощник он!

– Ну, тогда арбалет продай. – Предводитель убрал слиток за шиворот и выудил другой, поменьше.

– Вам зачем?

– Тебе-то какое дело, гладкокожий?! – подскочил тот, что плевался, но его сосед отвесил влезшему в разговор такой подзатыльник, что Плевун едва не рухнул в воду.

– Мальца у нас топлун утянул, – между тем продолжил Переговорщик. – На самое дно. Сетей нет, а камнями что кидай, что не кидай... Не прикончим. Продай арбалет, гладкокожий. Хорошую цену даю. Монахи-то иным существам не помогут, они ж важные слишком, хотя враз бы могли осушить озеро своим волшебством.

---

² Часть ледника, спускающаяся со склона горы. Характеризуется большей скоростью движения льда, чем у равнинного ледника, и хаотическими разрывами поверхности.

– Эта тварь уже третьего нашего ребятенка уколошила! – поддержал собрата Подзатыльник. – Хватит уже жрать. Ну, хочешь, мы тебе еще золота дадим? Или камней каких? Продай арбалет, Христом Богом прошу.

Услышав последние слова, Проповедник поперхнулся, закашлялся и перекрестился.

А я протянул арбалет и оставшиеся болты:

– Ну, раз просите... Надо мне говорить, что будет, если на людей станете охотиться?

– Не надо. – Переговорщик сцапал оружие, боясь, что я передумаю. – Монахи такого не потерпят. Враз из-под земли достанут. От них ни в какой норе не спрячешься. Не бойсь, нам топлуна порешить.

– Золото не нужно. – Я отказался от самородка, который они мне протянули. – Ответьте на вопросы, и будем считать, что квиты.

Они с подозрением переглянулись, и Плевун предупредил:

– Про земные сокровища не спрашивай. Гладкокожим все равно не расскажем. И про тайные тропы, чтобы тут войти, а через минуту выйти где-нибудь в Литавии, тоже.

Подзатыльник отвесил Плевуну очередную затрепину:

– Заткнись! Какие же они теперь тайные, если ты каждому проходящему о них трепать будешь!

– В глаз дам! – завопил тот. – Хватит меня по голове бить!

Но в драку не полез, так как противник был в два раза тяжелее его.

– Ладно, гладкокожий. У нашего народа правило – отвечаем только на три вопроса. Устраивает?

– Вполне. Один страж пропал в этих горах. Он мог проходить здесь. Очень давно. Больше десяти лет назад. Вы не встречались?

– Страж? А! С синим гарвиром на кинжале, как у тебя? Не, звиняй, гладкокожий. Но ваше племя тут порой шастает. Монахи, паломники, еще какие-то уроды. У них тоже бывают гарвиры. Как отличить вас друг от друга? Мы больше под землей живем, твоего гладкокожего не видали.

Вся остальные кивнули, подтверждая его слова. Жаль, что они ничего не знают. Но попытаться стоило.

– Хорошо, тогда второй вопрос. Я иду к перевалу, и мне нужна надежная дорога через ледник.

– Таких нет. Трещины все время появляются в новых местах. Но если ты пойдешь не напрямик, а возьмешь за монастырем левее, когда спустишься со склона, то за водопадом, который льется у красной скалы, есть тропа. Только держись крепче. Выйдешь по ней на каменный язык, он сократит твой путь по льду наполовину.

– Спасибо.

– Давай третий вопрос.

Больше меня ничего не интересовало, так что я сказал:

– Приберегу на потом.

– Ну, как знаешь.

Я направился своей дорогой, а скирры начали новый спор, смысл которого заключался в том, каким образом им лучшего всего устроить засаду.

– Отдал арбалет за ничто. Лучше бы взял золото, Людвиг. Эта нечисть почитает за подвиг надуть человека. Они могли и соврать.

– Я склонен верить в лучшее. От куска золота толку на леднике будет немного. Информация важнее.

– Угу. – Он пнул камешек, подвернувшийся ему под ногу, но тот даже не покачнулся. – Лишь в том случае, если она правдива.

К воротам монастыря я пришел порядком уставший и оглядел высокие, покрытые зеленой бронзовые створки. Издали они казались рельефными – пока я шел, мне чудился какой-то пейзаж, но, когда оказался рядом, понял, что ошибся. Незвестный чеканщик нанес на металл несколько сцен из библии, каждая из которых была размером в человеческий рост.

Пока Проповедник глазел на них, я взялся за висящий возле калитки молоток и постучал. Вне всякого сомнения, пока я шел, меня должны были видеть со стены, но никто не спешил распахивать передо мной двери.

Наконец загремели засовы, и маленький монах в черном одеянии, подслеповато шурясь, вышел наружу. Веревка, заменявшая ему пояс, была белой, а не алой, из чего я заключил, что он не владеет магией.

– Доброго дня тебе, путник, – скрипучим голосом поприветствовал он меня. – Долгую же дорогу ты проделал, чтобы сюда добраться. Может ли мой орден чем-то помочь тебе?

– Доброго дня, брат. Я иду к Горрграту и хочу попросить о ночлеге. А также о встрече с отцом-настоятелем.

Он шмыгнул носом, разом став похожим на большую мышь:

– Мы не прогоним усталого путника и найдем для тебя лежанку и еду. Но отец-настоятель не встречается со всеми, кто этого хочет. Боюсь, я не смогу осуществить эту твою просьбу.

Монах отошел в сторону, приглашая меня войти. Я так и сделал, оказавшись в просторном, мощенном камнем дворе, за которым начиналась огромная территория. Я видел дома, церковь, часовню, огороды на дальнем склоне, блестящие стеклом оранжереи и теплицы. Две величественные башни поднимались высоко над Дорч-ган-Тойном. В них, как я слышал, каликвецы наблюдали за звездами и небесными телами.

Возле ворот несколько монахов возились с овцами, загоняя их на вечер в овин. А один, такой же тщедушный, как и тот, что меня встречал, но с алой веревкой на поясе, шел мимо нас, держа под мышкой несколько книг.

На бочке из-под яблок восседало Пугало. Увидев Проповедника, оно весело помахало рукой.

– Он уже тут как тут! – воскликнул старый пеликан. – Как у него это получается?!

– У меня есть причина искать встречи с отцом-настоятелем, брат.

– У всех они есть. Но, прости, я и вправду не смогу помо...

Монах наконец-то увидел мой кинжал и на мгновение потерял дар речи. А затем бухнулся на колени и стал молиться.

Проповедник вытаращился на него, округлив глаза. А Пугало слезло с бочки и подошло поближе, дивясь случившемуся.

– Людвиг, с каких это пор ты стал святым Каликвием? – хихикнул старый пеликан. – Или он просто не в себе?

– Скорее всего, именно последнее, – пробормотал я.

Каликвец с книгами подошел ко мне:

– Ты из Братства?

– Да.

– Брат Инчик, оставь свою молитву на потом. Устрой стража в гостевых комнатах монастыря. А я пока сообщу брату-управителю о том, кто к нам пришел.

Брат Инчик, смешно перебирая ногами, вел меня по лестницам и коридорам. Пугало и Проповедник двумя невидимыми теньями скользили следом. Пройдя здание насквозь, мы вышли во внутренний двор рядом с одной из двух башен-обсерваторий и повернули на дальнюю тропинку, выложенную плохо отшлифованными широкими плитками, – она тянулась вдоль монастырской стены. Здесь лежал серый снег, не попадающий под солнечные лучи.

Справа от нас каскадами по склону были установлены теплицы и оранжереи, в которых, несмотря на высоту и холодную погоду, зрели овощи и фрукты.

Мы стали подниматься в гору, обходя стороной жилые и хозяйственные постройки. Местная церковь была создана словно совсем иными строителями – куда более аккуратными, опытными, любящими свое дело и понимающими, что такое красота.

– Прости, что веду тебя здесь, страж, – сказал брат Инчик. – Но гостям запрещено проходить через сердце монастыря. Особенно когда старшие братья обучаются искусству.

Он говорил о магии каликвещев, той самой, что могла справиться с колдунами и демонами.

Встречавшиеся нам монахи, молчаливые, но державшиеся с большим достоинством, провожали нас взглядами. Как видно, гости сюда приходили не часто.

Брат Инчик привел меня на самую верхнюю площадку монастыря, ко второй башне-обсерватории. Здесь стоял приземистый дом с широкими окнами, деревянной крышей и красивой резной лестницей. Чуть дальше был обрыв, на его краю я увидел маленькую часовню с распахнутыми дверьми.

Я подошел к краю пропасти, посмотрел вниз, на ледник, затем прямо, на Монте-Розу. Отсюда я видел тот водопад, о котором мне рассказали скирры. Он находился в четверти лиги от монастыря, падая из-под огромной ледяной глыбы в пробитый в Юрденмейде бассейн. Тайной каменистой тропки отсюда видно не было.

Монах откашлялся, нетерпеливо дожидаясь на деревянных ступеньках приземистого дома.

– Давай посмотрим, как нас устроят, – поторопил меня Проповедник.

– «Нас»?

– Не цепляйся к словам, Людвиг, – нахмурился тот. – Это Божьи люди, они заботятся не только о путниках, но и о душах, даже если их и не видят.

Пугало скептически посмотрело на него, мол, «ну и силен же ты заливать, старина», и направилось к часовне.

Оно догнало нас в коридоре, неся в руках почти три десятка украденных свечей.

– Опять мародерствуешь, – недовольно сказал ему Проповедник.

Пугало пожало плечами. Оно считало, что от монастыря не убудет.

Комнату, которую мне предоставили, даже с натяжкой нельзя было назвать монастырской кельей. Совсем не похоже на узкий крысиный лаз с голыми стенами и холодным воздухом, куда так любят запирать себя некоторые монахи.

Просторное светлое помещение с двумя большими окнами и видом на Монте-Розу, на которой отсюда можно было пересчитать каждый камушек. Все стены были сложены из отшлифованных буковых бревен, пол каменный, стол перед окном накрыт белой кружевной скатертью, основательный камин, на большую кровать наброшена оленья шкура.

Над кроватью висело распятие.

– Это ваша комната, страж. Как только у брата-управителя появится время, он примет вас. Не ходите по монастырю в одиночку, кроме тех мест, где мы с вами были. Гостям запрещено.

– Почему вы стали молиться, когда увидели меня, брат Инчик?

– Я... я был взволнован... – Он с опаской оглянулся на дверь. – Просто взволнован.

Тщедушный монах облизал губы, наклонился ко мне и шепнул дрожащим голосом:

– Несколько лет... я молюсь о милости. Ведь его прислал Господь. В наказание за наши грехи. Мы виноваты...

Он не закончил, быстро отступил назад, опустив голову, а дверь распахнулась, и в комнату вошли несколько монахов. Один принес шерстяные одеяла, другой начал растапливать камин, остальные быстро накрыли ужин, ставя на стол тарелки и кувшины.

Брат Инчик больше не разговаривал со мной, бросился помогать сутулому товарищу возле камина, а затем вышел вместе со всеми, взглянув на меня со страхом и мольбою.

– Ты понимаешь, что происходит, Людвиг? – Проповедник хмурился.

– Нет, кроме того, что он напуган. – Я смотрел на закрывшуюся дверь.

– А другие не так уж и дрожат от страха.

– Или же просто лучше это скрывают. – Я сел за стол, тогда как Проповедник плюхнулся на мою кровать, закинул руки за голову и счастливо вздохнул:

– Спустя долгие дни пути наконец-то приличное ложе! Только твоей ведьмы тут не хватает.

– В последнее время ты что-то часто вспоминаешь Гертруду.

– Еще бы ее не вспомнить! – фыркнул он. – Стоит тебе начать совершать рискованные глупости, как мне сразу же на ум приходит твоя беловолосая подружка. Она взяла с меня слово, что я позабочусь о тебе и остановлю, если ты будешь лезть в безумные предприятия. Но, как видишь, у меня не слишком хорошо это получается.

– Я чересчур голоден, чтобы почувствовать свою вину, – сказал я и занялся ужином.

«Скромный» монашеский ужин состоял из ржаного хлеба с тыквенными семенами и изюмом, гречневой каши с ливерной колбасой, пареной моркови, свеклы и капусты, зажаренной половинки курицы, вареного картофеля с укропом, миски творога и четырех кувшинов – с молоком, медовым напитком, травяным напитком и вином.

– Кормят здесь на убой. – Проповедник приподнялся на локте, изучив угощение. – Наверное, у них есть причины так расщедриться.

– Скоро узнаем. – Я налил себе молока.

Пугало село напротив, равнодушно оглядывая еду. Людская пища никогда его не привлекала. Оно предпочитало кровь.

– Людвиг, тебе не кажется, что каликвецы несколько трусоваты для тех, кто борется с адскими порождениями? Ну, если сравнивать брата Инчика с братом Курвусом, да будет он в Небесном Царстве.

Я отрезал хлеба, затем положил в тарелку каши и только после этого сказал:

– Не знаю, как сейчас, но несколько лет назад здесь жили пятьсот человек. Их намного меньше, чем в Дорч-ган-Тойне, который находится в пустошах Ньюгорта. Этот монастырь у Горрграта в основном знаменит своей библиотекой, второй по количеству редких книг после библиотеки Риापано. И из пяти сотен монахов где-то двести занимаются исключительно книгами. Переписывают, переплетают, составляют каталоги и читают те мрачные секреты, что скрыты на страницах древних фолиантов.

– А много ли тут секретов? – оживился Проповедник, обожающий всякие тайны.

– Помнишь ту книгу в белой обложке, что была у велефа?

– Прекрасно помню, как ты ее сжег.

– Говорят, раньше здесь таких было несколько. А есть книги, о которых не говорят, потому что даже не догадываются, что скрывается в монастырской библиотеке. Так вот. Двести монахов, а может, и больше, занимаются фолиантами, остальные – служители. Церковь, хор, уход за животными, пекарня, кузня, оранжереи и теплицы, ремонт зданий и водостоков, уборка. Они не сражаются с демонами, не снимают порчу, не нейтрализуют колдунов и не запечатывают адские врата. В большинстве своем они такие же люди, как ты и я.

Проповедник закудаhtал, махнув рукой:

– Я не человек, а мечущаяся со скуки светлая душа. Да и ты, страж, совсем не обычный уборщик или садовник. А как же боевые монахи? Воины Церкви?

– Их и в прежние-то времена было немного. Магия – редкий дар. Он есть не у всех монахов. Думаю, таких в монастыре сейчас человек пятнадцать.

– Пятнадцать?! – Проповедник аж подпрыгнул на кровати. – Всего?!

– А что ты хотел? Все как и у нас в Братстве. Десяток, ну, может, два, опытных учителей, и ученики, которые еще не достойны носить алую веревку. Их я не считаю. Все остальные в служении. Кто-то в Риापано, кто-то в разных странах. Выезжают по заданию инквизиции, сражаются с чертовщиной. Или ты думал, они просяживают задницы в монастыре?

– То есть никакой магии и чудес я не увижу?

– Ты – увидишь. Если найдешь, где учителя занимаются с учениками. А вот меня туда точно не пропустят.

Я начал ужинать, Проповедник тихонько начал напевать «Adeste fideles»³, а Пугало выставлять на стол свои трофеи – свечи. Я не слишком понимал, зачем они ему, но спрашивать не спешил, зная, что рано или поздно оно само все покажет.

– Людвиг, ты не хочешь ему что-нибудь сказать? – Старый пеликан прервал песню на половине.

– В смысле? – Я обгладывал куриное крыло и желал сказать лишь одно – чтобы Проповедник от меня отстал на какое-то время.

– Чтобы он перестал красть у божьих людей.

– Читать мораль Пугалу из-за каких-то свечек? По мне, так пусть оно их хоть все украдет, лишь бы людей не трогало.

Мой ответ так понравился Пугалу, что оно протянуло мне свою костяную поделку. Это оказалось кольцо. Работа была очень изящной. Тончайшая резьба по ободку, мелкая сеточка, на которой изображены звезды и цветы. Казалось, стоит чуть нажать, и оно сломается у меня под пальцами, а быть может, растает. Словно это не кость ругару, а океанская пена, туманная дымка, нечто воздушное, невесомое и бесконечно прекрасное.

– Очень красивое. – Я уже знал, что одушевленный никогда не создает предметы без причины. – Мне оставить его у себя?

Последовал утвердительный кивок. Я пожал плечами и убрал подарок в поясную сумку.

– По его виду понятно, что оно задумало какую-то каверзу. Я бы и близко не подошел к такому подарку. Помнишь, что оно тогда смастерило из тыквы? А птичка из страницы Библии? Выбрось, пока не приключилось ничего худого.

Но я не стал его слушать, и Проповедник, поняв, что ничего не добьется, вновь запел, на этот раз громче прежнего. Я неторопливо закончил с ужином, поглядывая на Монте-Розу, вершина которой больше не тускнела в лучах заходящего солнца, а начала наливаясь кроваво-красным светом.

За мной не спешили приходить. Я подбросил дров в камин, зажег имевшиеся в комнате свечи, не став трогать те, что принадлежали Пугалу.

Когда гора стала серо-синей, а на небе появились первые звезды, в комнату вошли двое монахов из числа тех, что накрывали на стол.

– Брат-управитель знает о твоём приходе, страж, – сказал один из них, когда второй собирал грязную посуду. – Он просит простить его за задержку, но сегодня вам поговорить не удастся. У него ночное бдение в церкви перед мощами святого Каликвия, вместе с другими отмеченными дланью Господа братьями. Вы поговорите утром, сразу после терции⁴ тебя к нему проводят.

Мне была не нужна эта задержка, уже завтра я планировал идти к перевалу, но менять устав в монастыре и что-то требовать тоже не мог. Придется ждать.

– Я планировал встретиться с отцом-настоятелем, а не с братом-управителем.

---

³ «Придите, верные» – католический гимн.

⁴ Молитва около 9 часов утра.

– Мы все понимаем это, – смиренно склонил голову монах. – Но отец-настоятель очень плох, и мы все ждем, что со дня на день Господь призовет его в райские кущи. Пока главный здесь брат-управитель. Лучше, чем он, никого у нас нет.

– Хорошо. Значит, я поговорю с ним утром. Поблагодари его за гостеприимство.

Монах взял оставшуюся часть посуды, сказав на прощание:

– Если тебе что-то понадобится, просто выгляни в коридор и позови. Один из братьев поможет тебе в мере отпущенных ему Господом сил. Если ты захочешь помолиться, то часовня открыта для тебя.

– Благодарю. Я непременно помолюсь перед сном.

– Ха! – тут же отреагировал Проповедник. – Когда ты наконец это сделаешь, я попрошу отправить меня прямиком в рай!

– Пожалуйста, не ходи по монастырю ночью дальше часовни и заднего двора. Ты можешь потревожить братьев.

– И подглядывать их страшные секреты. – Старый пеликан был очень доволен собою.

– Обещаю, что никого не побеспокою.

Монах благодарно склонил голову и вышел, притворив за собой дверь.

– Не слишком-то они спешат тебя видеть и рассказать о страшном зле. – Проповедник демонстративно зевнул. – Возможно, это зло живет лишь в голове брата Инчика. Ну и слава Богу.

– Брата Инчика, который больше не пришел, – задумчиво ответил я.

– Может, у него дела.

– Может быть. – Я надел куртку. – Пойду посмотрю на часовню.

– Эй! Эй! – всполошился Проповедник. – Мои слова о том, что после твоей вечерней молитвы я попрошусь в рай, не более чем шутка! Ты ведь не всерьез их принял, а?

– Не беспокойся об этом. Я уже давно свыкся с мыслью, что избавлюсь от тебя только после своей смерти. Ты пойдешь?

– Боюсь, твоя молитва будет слишком неуклюжа для моих ушей. Да и не хочу тебя стеснять. Иди сам.

Ни меня, ни себя, ни Пугало он не обманул. Всем было ясно, что старый пеликан всего лишь хочет поваляться на кровати еще немного, прежде чем я сгоню его оттуда...

Уже наступила ночь, и на улице был легкий морозец. Он покалывал кожу на лице и студил пальцы. Я спрятал руки в карманы, глубоко вдохнув свежий горный воздух. По земле ползли облака, набегали на монастырь туманной стеной, делая огни фонарей, висящих на углах зданий, тусклыми и бледными.

Когда облака на несколько мгновений открывали обзор, я видел центральный хребет Хрустальных гор, снега которых мерцали жемчужным светом, люющим с начинающей убывать луны.

Со стороны церкви ветер донес до меня молитву. Множество мужских голосов, с каждым мгновением набирая силу, славили своего святого, и я почувствовал, как волосы у меня на голове шевелятся и в них потрескивают искры. Пожалуй, просьба монахов о том, чтобы я не бродил где не следует, не лишена смысла. Церковь расположена в нижней части выросшего на склоне горы монастыря, но даже с такого расстояния меня задевала магия молитвы каликвещев.

Я поднял воротник, выдохнув облачко пара. Двери часовни были распахнуты, и казалось, что внутри нее пульсирует множество волшебных огоньков, которые мне довелось повидать в Темнолесье. Такой эффект создавали туман и сотни свечей, горевших внутри. Проповедник зря беспокоился. Пугало забрало лишь малую часть.

Удивительно, но здесь, на высоте, этот огонь перестал казаться мне теплым и привлекательным. От часовни, площадки, где она стояла, и обрыва, который начинался за ней, веяло жутью.

Как говорит Иосиф – страх убивает стража. А уж он-то, всякое повидавший за время своих странствий по свету, многое знал об этом.

Я шагнул к часовне, не собираясь поддаваться возникшему ощущению опасности, и наваждение разом развеялось. Переступив через порог, посмотрел в открытое лицо Спасителя, лоб которого был изранен терновым венцом. В его взгляде был легкий укор. Как у Кристины, когда мы виделись с ней в последний раз.

Совсем небольшое помещение, всего-то на пять-шесть человек. Лавка, чаша со святой водой, алтарь, распятие и закрытый решеткой люк в полу, ведущий, скорее всего, в крипты. Свечи тихо потрескивали, медленно тая, в воздухе витал теплый солнечный запах пчелиного воска. Я постоял еще несколько минут, сам не зная зачем, а затем вышел.

За то время, что меня не было, на улице все изменилось. Ветер прогнал облака, обнажил бездонное небо и открыл моему взору столько же звезд, сколько я видел, летя на спине Файрварда.

Мне сразу же вспомнилась Гертруда, любившая созвездия и способная рассказывать мне о них часами, показывая на мерцающую точку и открывая прятанную за ней очередную легенду. Гера заморожена красотой звезд точно так же, как Проповедник океаном.

Я подошел к самому краю обрыва. Перегнувшись, посмотрел на серебристый ледник, ползущий в долине. Он дышал холодом и был похож на живое существо – на спящее чудовище, если разбудить которое целым не уйдешь. Послезавтра мне предстояло пересечь его и добраться до склона Монте-Розы, где начиналась тропа к Горрграту.

Внезапно в толще льда замерцало ярко-зеленое пламя, словно северное сияние. Оно разгоралось все сильнее и сильнее, а затем погасло. Почти так же мгновенно, как и вспыхнуло.

Я не спускал глаз с Юрденмейда и стоял, пока не замерз, но больше не увидел странного огня.

Снилась мне всякая дрянь.

Свечи в часовне, тающий воск которых походил на кровь. Темные кинжалы, крутящиеся в воздухе. Ганс, сидящий на подоконнике. Гертруда с заплаканным лицом. Кристина, показывающая мне свои руки. Обессиленная Мириам, скрученная ознобом. Маркграф Валентин, вылетающий из собственной катапульты. Безумная пляска колдуна Вальтера над телом Рансэ. Шуко, рыдающий над мертвой Розы. Пугало, не дающее мне разглядеть лицо матери. Золотой огонь, растекшийся по земле. И тяжелые, мерные удары молота неизвестного кузнеца, создающего кинжалы стражей.

Я проснулся от этого грома железа и минуту лежал, глядя в потолок и мало что понимая. Потому что стук молота о наковальню никуда не делся.

– Вот черт! – сказал я, наконец-то поняв, что слышу работу, которая идет в монастырской кузне. Слышу благодаря тому, что Пугало ночью распахнуло окно, и теперь в комнате самое свежее и морозное утро из всех, какие только возможны.

– Вот спасибо, приятель. Вот удружило, – произнес я, но меня никто не услышал.

Ни Пугала, ни Проповедника в комнате не было. Как только рассвело, они отправились бродить по Дорч-ган-Тойну, оставив меня мерзнуть в одиночку. Монастырский колокол созывал на терцию, а я умылся ледяной водой и стал ждать.

За мной пришел вчерашний каликвец с книгами. Он был в жилете из собачьей шерсти, накинутом на темное монашеское платье.

– Брат-управитель готов встретиться с вами, страж.

– Значит, не будем медлить.

Мы вышли на улицу, где было так свежо, что я поднял воротник куртки. Надо бы не забыть попросить у монахов шапку, иначе, прежде чем я дойду до перевала, у меня отвалятся уши.

На дорожках все еще лежала тонкая пленка инея, который пока не растопило выглянувшее из-за хребта солнце. За сараями залаяла собака, чуть дальше, там, где располагалась библиотека, я увидел группу столпившихся монахов. Вид у них был встревоженный, они что-то обсуждали, склонив непокрытые головы.

– Что-то случилось? – спросил я у своего провожатого.

Тот не стал скрывать:

– Да. Сегодня в келье повесился один из наших братьев.

– Сожалею.

– Мы тоже. Самоубийств не было в монастыре больше пятидесяти лет. Братья ошеломлены произошедшим. – Каликвец с грустью покачал головой. – Когда человек самостоятельно лишает себя жизни, которую даровал ему Господь, это страшный грех.

– Почему это случилось?

– Не знаю.

– Я бы хотел взглянуть на тело.

Тот посмотрел на меня бесстрастно:

– Зачем?

– Мне кажется, что вы не станете хоронить его на освященной земле. Самоубийца – человек, которого не будут отпевать. Это риск появления темной души. Я мог бы помочь. Сделать так, чтобы ничего плохого не случилось.

Монах, имени которого я так и не узнал, задумчиво потер подбородок:

– Я скажу о вашем предложении брату-управителю, страж. Простите меня, но я сам не могу решать такие вопросы.

– Тогда не хороните тело, пока брат-управитель не примет решение.

– Это возможно.

Дойдя до массивного дома рядом с церковью, он поднялся на крыльцо, и мы направились сквозь череду гулких полутемных залов, затем через монастырскую трапезную, на стене которой была изображена Тайная вечеря. Краски ее потускнели, выцвели, на заднем плане было множество трещин, а лицо апостола Филиппа и вовсе отсутствовало.

Каликвец привел меня в зал, где не было никакой мебели, а серая штукатурка на стенах казалась грубой и отсыревшей. Четыре колонны подпирали широкий карниз, дальняя часть помещения оказалась закрыта широкой тяжелой бархатной занавесью.

– Я предупрежу брата-управителя, что вы ждете, – сказал каликвец и, толкнув дверь, вышел.

Сквозь большие окна в зал проникал свет утреннего солнца, но он нисколько не оживлял мрачную атмосферу этого места – холодного, неудобного и словно бы заброшенного. Это было особенно заметно, если смотреть на солнечные лучи, в которых, точно облако моли, витали сотни потревоженных пылинок.

Осторожной мышью вошло Пугало. Огляделось и, ссутулившись, отправилось к занавеси. Нырнуло за нее и затихло. Я хмыкнул, направился туда же, решив вытащить его прежде, чем на стене появится очередное похабное словечко, которое оно порой любит оставлять в самых неожиданных местах, но дойти не успел. Меня окликнул монах.

Помещение, в которое мы прошли теперь, оказалось совсем небольшим. Стены остались такими же серыми и неудобными, но зато тут было куда теплее – в очаге горело яркое пламя. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами. Несколько томов тремя стопками высились на письменном столе, заваленном бумагами, гусиными перьями и свитками.

Уже не молодой монах с красной веревкой на поясе, высоченный, светловолосый и голубоглазый, встретил меня у двери. Узнать в нем соотечественника не представляло никакого труда. Проницательные глаза задержались на моем лице чуть дольше, чем этого требует веж-

ливость. Хотел бы я знать, что он подумал в этот момент, так как в углах его губ на мгновение залегли глубокие складки, точно он не слишком рад встрече.

– Я брат Квинтен, – хрипло произнес он по-альбаландски.

– Меня зовут Людвиг ван Нормайенн, – представился я. – Мне жаль, что отец-настоятель плохо себя чувствует.

– Представьте, мне тоже. Я никогда не тешил себя мыслью, что буду управлять монастырем, пускай и временно. Мое дело сражаться со злом, а не командовать братией. – Каликвек жестом руки отпустил приведшего меня монаха. – Но Господь счел иначе, раз поставил меня сюда. Не откажите мне в разделении скромной трапезы, господин ван Нормайенн.

Возле окна, застеленный серой скатертью, стоял угловатый стол.

Он помолился, прежде чем приступить к еде, налил мне в глиняную кружку травяной напиток, от которого поднимался пар. Я осторожно попробовал, удивленно хмыкнул:

– Интересно.

– Братья делают летние сборы трав, – улыбнулся монах. – Черника, клюква, брусника, чабрец, зверобой, мелисса и сушеные яблоки. Для тех из нас, кто использует магию, это полезнее монастырского вина. Я знаю, что стражи предпочитают пить молоко.

– Верно, – кивнул я, беря с тарелки толстый ломоть ржаного хлеба и подвинув к себе блюдо с медом, судя по его шоколадному цвету – каштановым. – Молоко позволяет нам восстановить силы и нейтрализует влияние темных душ.

Брат Квинтен приподнял белесые брови:

– А вот этого я не знал. Не думал, что темная аура порочных созданий вредит стражам.

– Мы такие же люди, как и все. Быть может, чуть устойчивее, но и только. Молоко – наше лучшее лекарство.

Он кивнул, посмотрел на распятие, которое висело за моей спиной:

– Жаль, что с обычными недугами нельзя справиться столь же легко. Болезнь съедает отца-настоятеля изнутри с начала лета. Вся братия ждет, когда его заберет к себе Господь.

– Но не вы, брат-управитель?

– Отец Григорий хороший настоятель. Он управлял Дорч-ган-Тойном без малого пятьдесят лет и достоин рая как никто другой, но я тешу себя тщетной надеждой, что он сможет побороть болезнь.

– От нее есть лекарство?

Монах вздохнул:

– К сожалению, нет. Старость не могут излечить даже старги. Особенно когда человеку уже больше ста лет. Остается полагаться лишь на милость Господню, молиться и ждать.

Брат Квинтен прекрасно владел своим лицом, на нем практически не отражалось эмоций, которых он не желал никому показывать. Но его глаза не могли меня обмануть.

Брат-управитель не желал смерти отца-настоятеля, но ждал ее как избавления. Он был похож на медведя, запертого в тесной клетке, но уже понявшего, что одна из стенок непрочная. Возможно, он догадался, о чем я думаю, а быть может, прочел мысли и с обезоруживающей улыбкой сказал:

– Меня, как и стражей, гонит вперед работа. Господь сделал так, что она стала моим настоящим призванием. В Его воле было дать мне испытание – взять на себя обязанности по управлению монастырем. Но я жду, когда в Дорч-ган-Тойне появится новый настоятель, и мне будет позволено отправиться в дорогу, чтобы уничтожить тех, кто вредит верующим. Брат Яцек рассказал мне о вашем предложении, господин ван Нормайенн. От всего монастыря я благодарю вас за него. Если ваша помощь поможет избежать появления темной души, то Господь не зря направил ваши стопы в столь нелюдимое место.

– Значит, я могу осмотреть тело и провести нужные приготовления?

Он благосклонно кивнул:

– Можете. Я уже дал нужные распоряжения. Сразу после нашей встречи брат Яцзек ответит вас к мертвому.

– Вы знаете, почему он лишил себя жизни?

Монах нахмурился, посмотрел на меня с сомнением:

– Разве это так важно, господин ван Нормайенн?

Я перестал намазывать мед на хлеб:

– Настолько же важно, как вам знать, что молоко скисает, а пламя горит голубым – ведь это признаки того, что демоническая сущность где-то рядом. Если человек наложил на себя руки из-за кого-то, например, издевательств... – Я увидел, как его брови сошлись на переносице, но продолжил тем же ровным тоном: – То появившаяся темная душа, вне всякого сомнения, придет за своим мучителем. Это один из вариантов. А их, как вы понимаете, множество. От причины смерти зависит, какие *фигуры* я наложу на могилу и, разумеется, их эффективность.

– С утра, когда самоубийца не пришел на лаудесу⁵, посланный за ним брат нашел несчастного в петле. Он не оставил никакой записки. Хочу спросить вас, господин ван Нормайенн. Зачем вы здесь? Последний страж приходил к нам больше двадцати лет назад.

Эти «двадцать лет» меня порядком разочаровали. Исходя из слов брата-управителя получилось, что Ганса не было в Дорч-ган-Тойне, и я не найду здесь его следов.

– У меня две причины прийти сюда, брат Квинтен. Первая из них – Горрграт. Мне нужно как можно быстрее попасть в Чергий.

– Недавно один путник преодолел его, но он шел со стороны Чергия. Подъем с той стороны хребта гораздо легче, чем с этой. В прошлом году братья поднимались туда, установили крест в честь Богородицы. Один из них погиб на спуске, провалившись в трещину, и еще двое получили обморожения. Это сложная, если не сказать, что опасная дорога.

– Я знаю о рисках, – кивнул я.

– За трактом не следят уже несколько веков. Он сильно разрушен. Осталась лишь тонкая тропа, но ее видно, только когда нет снега. А как вы можете заметить, наверху он лежит.

– Вы считаете, что перевал сейчас непроходим?

– Проходим, – подумав, ответил он. – Но очень непросто. Идти через него можно, только если вы очень сильно торопитесь и не желаете тратить недели, чтобы добраться до других трактов.

– На тех дорогах война, – повторил я то, что уже говорил Проповеднику. – Рисков на них ничуть не меньше, чем на безлюдном перевале. Даже больше.

– Ваша правда, господин ван Нормайенн. Порой люди гораздо опаснее гор. Вам требуется какая-то помощь от монастыря? Мы всегда готовы поддержать представителя Братства.

– Я не откажусь от дополнительных теплых вещей.

Монах улыбнулся:

– Это возможно. Когда вы планируете уйти от нас?

– Завтра. Перед рассветом, – подумав, ответил я. – Тогда у меня будет шанс преодолеть перевал до наступления ночи.

– Разумно, – оценил мою идею монах. – Я скажу брату Яцзеку, чтобы теплые вещи принесли в вашу комнату.

– Спасибо.

– А вторая причина? Вы говорили, их две.

Роман предупреждал меня, что некоторые вопросы могут быть опасны, но я не для того сюда шел, чтобы не задать их:

---

⁵ Лаудеса – молитва, которая начинается в 5 часов утра.

– Также я надеялся что-нибудь узнать о другом страже. Я знаю, что он направлялся в ваш монастырь, но в Арденау не вернулся.

Это было ложью, я не знал, куда шел Ганс, но решил посмотреть реакцию. На лице брата Квинтена отразилось лишь удивление.

– Страж? К нам? Нет, никто из Братства не посещал монастырь. Вы первый за многие годы.

– Хм. Я был уверен, что он приходил к вам, и надеялся, что вы прольете свет на его исчезновение.

Равнодушное пожатие плечами:

– Я, конечно, не всегда был здесь, в миру много работы, но обязательно бы услышал, если бы к нам заглядывал кто-то из стражей. Такие гости у нас большая редкость, были бы разговоры. Сожалею, но ничем не смогу вам помочь, господин ван Нормайенн.

Я не стал скрывать свое разочарование:

– Очень жаль.

– Зачем он шел в монастырь?

Вопрос был невинный, но я насторожился. Возможно, это ничего не означает. А быть может, от моего ответа зависит очень многое. Так что я ответил правду:

– Не знаю. Никто в Братстве не знал. Он предпочитал не распространяться о своем путешествии.

– Как давно это было?

– Десять лет назад.

Монах вздохнул:

– Возможно, он пропал где-то в горах. Места здесь пустынные и опасные.

– Возможно... – эхом откликнулся я. – Ну, что же. Раз у вас его не было, то меня больше здесь ничто не задерживает, и я с чистой совестью могу отправиться по своим делам, как только помогу вам с самоубийцей. Спасибо, что уделили мне время.

Брат Квинтен поднялся вместе со мной, и в этот момент из соседнего зала раздался громкий металлический звон. Монах нахмурился, широким шагом подошел к двери, распахнув ее, выглянул.

– Что за чертовщина? – удивился он.

Карниз, на котором висела тяжелая бордовая занавесь, упал на пол, открыв ранее не видимую мне стену.

– Ух! – вот и все, что я мог сказать, глядя на огромную фреску.

В длину она была больше десяти ярдов, в высоту – все пять. В отличие от той, что я видел в трапезной, эта оказалась яркой, словно ее нарисовали неделю назад. Но не это было поразительно, а талант художника. Мастер продумал все – перспективу, позы, падение света и тени, блики на лицах и полутона одежды, каким-то немыслимым образом сумев придать плоской картине объем – нарисованные фигуры, казалось, стоят за стеклом, в мире, где застыло время.

Ярко-алое небо контрастировало с белой, укрытой снежной периной землей. Кое-где снег растаял, и были видны темные проплешины обугленной почвы. На заднем плане черным силуэтом выделялось кряжистое дерево без листьев. Его ветви охватывало разгорающееся пламя.

Левая сторона оказалась не дорисована – там виднелось большое серое пятно штукатурки. На переднем плане были... наверное, ангелы. Хотя у меня возникли некоторые сомнения на этот счет.

Потому что обычно ангелов так не рисуют.

Двое молодых людей, широкоплечих, мускулистых, с искаженными от ярости лицами, сражались друг с другом. Оба с длинными, до плеч, развевающимися каштановыми волосами,

в одинаковых легких серебристых доспехах – наручи, наплечники, нагрудники и наколенники. Светлые туники в крови. На щеках копоть.

Тот, что был справа, двумя руками вскинул страшный боевой молот, собираясь раздробить противнику голову. Левый, отклонившись назад, закрылся широким мечом с вычурной гардой.

Удивительнее всего было то, что на глазах у обоих были повязки, а крылья совсем не походили на птичьи. Никаких перьев. Лишь яркий, слепящий свет, складывающийся в узнаваемый контур.

– Почему ее прячут за занавесью? – спросил я.

Брат Квинтен внимательно посмотрел на меня, как видно, заметил потрясенное выражение на лице, и негромко спросил:

– А какие чувства у вас вызывает эта фреска, страж?

– Тревогу, – подумав, ответил я. – От нее исходит опасность. У меня желание отойти, отвернуться и в то же время... смотреть дальше.

Грустная улыбка:

– Вот именно поэтому отец-настоятель приказал убрать ее с глаз. Чтобы не смущать братьев.

– Кто рисовал ее?

– Один из монахов. Господь наградил его талантом, но использовал он его не так, как это было угодно Церкви.

– Если фреска неудобна, то почему она всего лишь закрыта, а не замазана?

Брат-управитель цокнул языком:

– Брат, который рисовал ее, обладал даром прорицания, и порой у него случались видения. Здесь записано одно из них.

– Это будущее?

– Не думаю. Скорее прошлое.

– А что говорит художник?

– Он давно умер, так и не успев закончить работу. – Каликвец указал на серую проплешину. – Это, как вы можете видеть, один из эпизодов битвы земного ангела с тем, кто пришел в наш мир сквозь адские врата.

Я слышал о земных ангелах от брата Курвуса. Те, кто не присоединился в ангельской битве ни к войскам Люцифера, ни к войскам господу, не желая проливать кровь своих братьев. Они навечно наказаны богом оставаться среди людей и защищать врата, через которые дьявольская орда пытается прорваться на землю.

– Они очень похожи, – помолчав, сказал я, взглядываясь в фигуры. – Кто из них защитник, а кто выбрался из пекла?

– Этого я не знаю. Крылья у обоих светлые, а по канонам у отступников их рисуют темными. Впрочем, люди почти не знают ангелов. Все может быть совершенно иначе. Быть может, никто из них не вышел из пекла. Порой, как говорят легенды, охранники сходят с ума из-за дыхания адских врат. Тогда их убивают братья. Возможно, именно этот эпизод здесь и отразил художник. Что вы ищете на фреске?

– Ворота в ад.

– Они прямо у вас перед глазами.

– Горящее дерево?!

– Верно. Это аллегория. Вымысел художника. Как и снег, которого нет на востоке.

Я изучил картину еще раз:

– Повязки на глазах – тоже аллегория?

– А вы не знаете эту легенду? – удивился он. – Считается, что земные ангелы не могут видеть друг друга. Повязки говорят, что они сражаются вслепую, не зная, где находится противник.

Брат Курвус рассказывал мне, что настоятель его монастыря, Дорч-ган-Тойна, расположенного в пустошах Ньюгорта, как-то разговаривал с подобным ангелом. Он искал в мире тех, кто сошел с ума у врат и скитался где-то среди людей.

Брат Квинтен склонился над карнизом:

– Чистый срез. Как будто кто-то одним ударом перерубил крепеж чем-то острым. Как странно...

Я лично ничего странного не видел. Этот «кто-то» носит драную соломенную шляпу, и его серп – очень острая штука.

Я не всегда понимаю Пугало.

Порой его темная ирония к месту, но частенько «шутки» одушевленного ставят в тупик. У него свой, только ему понятный юмор, где запросто можно ущипнуть магистра стражей за ягодицу, а потом посмотреть, как она бесится. Это лишь один случай, но за год, что мы путешествуем вместе, их накопилось немало.

Я давно решил для себя, что Пугало – одушевленное настроение. В один день оно и пальцем не пошевелит, чтобы вытащить меня из неприятностей, а в другой потащит у себя на закорках или уведет за собой погоню.

Прямо сейчас страшила, точно воробушек, сидел на крыше церкви, свесив вниз ноги. Увидев, что я смотрю на него, оно приподняло шляпу, приветствуя меня, – маленькая темная фигурка на фоне ослепительно-белой вершины Монте-Розы.

Братские корпуса – два серых шестиэтажных здания, из-за узких окон кажущиеся непреступными, встретили меня мрачной тишиной. Яцек поднялся по ступенькам, вошел в узкий коридор с серым арочным потолком. На входе не было двери, поэтому здесь гулял холодный ветер, волнующий пламя немногочисленных факелов, воткнутых в стальные скобы.

Келья умершего монаха была одной из самых последних на этаже. Возле входа в нее, прислоненные к серой стене, стояли носилки. Я вошел в узкое, темное, несмотря на начало дня, помещение, где на маленьком столике ровным пламенем горели несколько свечей. Осмотрелся.

Здесь было почти так же холодно, как на улице, пахло соломой и сыростью. Я отметил про себя прибитые книжные полки, грубо сделанное распятие, жесткий топчан возле узкого окошка-бойницы.

На столе лежала раскрытая книга, и я прочитал запись на полях: «Ложимся подобно колосьям под серпом жнеца». Я невольно подумал о Пугале и спросил у брата Яцэка:

– А где петля?

Тот указал на скобу в стене:

– Он привязал ее там, но братья уже сняли.

Скоба была слишком низко. Самоубийце пришлось затянуть веревку на шее, а затем отклониться назад, чтобы она передала ему горло.

– Надо много желаний, чтобы задушить себя таким способом. – Я посмотрел на лежащее на топчане тело, накрытое серым грубоотканым полотнищем.

– Тем страшнее его грех.

Я подошел к мертвому, откинул в сторону тряпку, внимательно изучая отекавшее лицо, синие губы, выкаченные глаза, кровоподтек от веревки на тонкой шее. Смерть сделала брата Инчика еще более испуганным и несчастным, чем когда я видел его в последний раз.

– Что вы делаете? – спросил брат Яцек, когда я стал рассматривать руки самоубийцы.

– То, что попросил брат-управитель. Свою работу.

Затем я осмотрел голову монаха и шею.

– Нашли что-нибудь?

– Нет, – ровным тоном ответил я. – Сожгите его одежду и веревку, на которой он повесился. Пепел смешаете с могильной землей.

Я создал *фигуру*, положил ее на правое запястье самоубийцы. Это полностью исключит появление темной души.

– Можете похоронить его, но мне потребуется сделать несколько рисунков на территории, – наконец сказал я.

– Если только они будут расположены в местах, куда можно заходить гостям, – подумав, принял решение каликвец. – Боюсь, что, несмотря на случившееся, как и прежде, часть монастыря закрыта для посторонних.

– Меня вполне устроит площадка перед часовней. Или моя комната.

Тот согласно кивнул:

– Это разрешено, страж. Мы все благодарим вас за помощь.

Он остался с телом, а я в одиночестве вышел на улицу и не торопясь направился в сторону дома, в котором меня поселили. Проповедник ждал меня в комнате. Выглядел он раздраженным.

– Как дела? – спросил я у него. – Что видел?

– Иисусе Христе, Людвиг! Эти монахи те еще параноики! Я ни черта, прости Господи, не увидел, потому что у этих кретинов по всему внутреннему двору понатыкано множество *фигур*. Пройти за них у меня не получилось. Я даже до церкви не смог добраться.

– Ты ничего не путаешь? – удивился я. – Пугало чудесно чувствовало себя на крыше этой самой церкви.

– Угу. Пока оно шло через площадь, у него мундир дымился. Меня бы это точно прикончило.

– Хм... – протянул я.

Одушевленный вообще-то устойчивый парень, и надо постараться, чтобы пронять его *фигурой* или *знаком*. Но если от него шел дым, то там, на земле, нарисовано нечто экстраординарное. И смею предполагать – очень старое. Возможно, здесь поработал какой-то страж из прошлого, потому что я не припомню, чтобы за последние сто лет каликвцы нанимали Братство для подобной работы.

– Раз они нарисовали это, значит, им есть что прятать, – высказал Проповедник свою догадку.

– Ерунда, – не согласился я с ним. – Что можно спрятать от душ? А самое главное, для чего? Скорее всего, это защита от темных сущностей. Такие *фигуры* в мире встречаются – чаще всего в старых дворцах, замках и как раз монастырях. Если заводится какая-то дрянь, а поблизости нет человека с даром, всегда можно переждать в безопасной зоне.

– Тогда чего ты корячился и изучал самоубийцу, если у них уже есть способ спастись от темных душ?

– Я поражаюсь твоей осведомленности.

– Слышал, как монахи об этом говорили. Так что? Если уже есть *фигуры*, зачем ты себя утруждал?

– Во-первых, я их не видел, и мне о них никто не сказал. Во-вторых, если бы появилась темная душа, то она имела доступ в большую часть монастыря, где нет *фигур*, которые ты нашел. Согласись, проще решить проблему сразу, чем потом всю жизнь сидеть и прятаться.

– Ну да... – Он потер щеку. – А что сказал брат-управитель? Он видел Ганса?

– Нет.

– Хе-хе. И кто был прав? Стоило тащиться в такую даль, чтобы провидение показало тебе фигу?

– Стоило.

– И зачем?

– Пойдем на улицу. Узнаешь.

Он удивился, стал требовать рассказать немедленно, но я покинул комнату, а старый пеликан, не способный побороть свое любопытство, поспешил за мной.

– И к чему эти тайны? – спросил он, когда я остановился у часовни, на краю обрыва.

– Я не доверяю стенам. У них могут быть длинные уши.

Проповедник хмыкнул, несколько нервно потянул себя за воротничок рясы:

– На кой черт им подслушивать?

– Погибший монах – брат Инчик.

– Упокой Господи его душу, – перекрестился старый пеликан. – Он выглядел испуганным, но не очень-то походил на самоубийцу.

Я кивнул:

– И он пытался мне что-то сказать, но пришли другие монахи. И, возможно, слышали его слова.

– Людвиг, ты меня пугаешь! – всплеснул руками Проповедник. – Ты действительно считаешь, что за пару слов каликвецы убили сумасшедшего?

Я цокнул языком:

– Брат Инчик не был похож на сумасшедшего. Всего лишь на перепуганного человека. И его действительно убили.

Проповедник фыркнул:

– Тебе это его томимая печалью душа рассказала?!

– Все куда проще. Я осмотрел тело. Под его ногтями кожа и кровь, а костяшки на левой руке сбиты. Он пытался сопротивляться, и я уверен, что где-то в монастыре есть монах с расцарапанной рожой. К тому же у брата Инчика большая шишка на затылке. Мне кажется, что его ударили по голове, а потом уже задушили, обставив все как самоубийство.

Проповедник задумался:

– Может, ты и прав. А может, и нет. Не могу поверить, то кто-то из них взял грех на душу только потому, что этот несчастный сказал тебе пару слов.

– И для того, чтобы не сказал остальные.

Старый пеликан поежился:

– Этот самоубийца, – он упорно продолжал называть его так, не желая признать очевидное, – был рад, когда ты пришел сюда.

– Сложи два и два, дружище. Скажи мне, когда люди особенно рады появлению стража.

Мой собеседник скривился, понимая, что я смог его поймать, но все же ответил:

– Когда под боком есть темная душа. Но это чушь. Монахи бы сказали тебе, если бы такая сущность их донимала. – Он покосился на далекую церковь. – Впрочем, тут полно *фигур*, чужаков они кое-куда не пускают... у них могли быть причины скрывать от тебя правду. Слушай, Людвиг, я тебя умоляю – не суй в это свой нос. Ради Бога ни о чем их не спрашивай, иначе здесь появится еще один самоубийца. Ночью упадешь вот с этого обрыва и свернешь шею.

– Ты мыслишь точно так же, как и я. Не волнуйся. Я не буду больше задавать бесполезных вопросов.

– И завтра уйдешь из монастыря? – Он пытливо заглянул мне в глаза.

– И завтра уйду из монастыря, – послушно произнес я. – Обещаю.

– Уф, – облегченно сказал Проповедник. – Ты наконец-то начал взрослеть и понимать, что есть не твои дела. Ну, раз все решено, я, с твоего позволения, пойду поваляюсь на твоей чудесной кровати. Боюсь, следующую неделю нам опять придется торчать в этих проклятых горах.

И он ушел.

А я сел на корточки и кинжалом начал рисовать *фигуру*, чувствуя, как двое монахов, разгружавших с воза древесный уголь, украдкой следят за моей работой. Я создал тот же рисунок, что и в Темнолесье, когда искал темную душу, но в отличие от прошлого раза теперь был результат – линии начали светиться. Это означало, что я прав – где-то возле монастыря была темная душа.

И брат Инчик действительно многое мог мне рассказать...

– Вы куда, страж? – удивился привратник, когда я подошел к воротам.

– Хочу выйти на несколько часов, – дружелюбно ответил я. – Мне надо завершить свою работу, чтобы обезопасить монастырь от души самоубийцы, и я уже сегодня, пока светло, планирую изучить спуск к леднику. Завтра ухожу перед рассветом.

Это объяснение его вполне устроило.

– Когда вернетесь, стучите громче, – сказал он мне, отпирая калитку.

Первые полчаса я бродил по окрестностям, не удаляясь далеко от стен, так, чтобы меня видели. *Фигура* возле часовни указывала на то, что поблизости имеется темная сущность. Я попытался определить нужное направление – по всему выходило, что тварь находится под монастырем. Возможно, где-то в подвалах.

– Интересно, почему стражу не говорят об этом, – пробормотал я, глядя на Дорч-ган-Тойн, который сейчас мне показался особенно мрачным и неприветливым. – Это все равно что не рассказывать врачу о смертельно опасной болезни, хотя он может спасти тебя.

А когда пациент не хочет говорить с врачом о том, что его беспокоит? Или когда не доверяет доктору, или когда хочет скрыть то, чего стыдится.

Затем я направился к обрыву и увидел каменную тропку желтоватого цвета, серпантином спускающуюся к леднику. Это было началом моего завтрашнего пути. Пугало подошло ко мне неслышно и, как и я, стало смотреть на перевал, который нам предстояло преодолеть.

– Главное, чтобы завтра была хорошая погода, – сказал я.

Одушевленный пожал плечами. Ему было все равно как подниматься – при ясном солнце, снегопаде или тумане. Пугало, в отличие от меня, не мерзнет и не страдает от отсутствия воздуха.

– Как тебе монастырь?

Очередное пожатие плеч. Теперь – равнодушное. Оно выглядело разочарованным.

– Ты думало, здесь нечто вроде школы волшебства? – хмыкнул я.

Кивок.

– Уверен, ты знаешь, но на всякий случай скажу тебе, что клирики, обладающие церковной магией, не так часто встречаются. Для того чтобы в них проснулся такой дар, нужно несколько факторов. Неистовая вера в господу и любовь к нему без всяких сомнений. С учетом того что с верой и любовью у людского племени не все и не всегда гладко, а сомнений, увы, предостаточно, волшебство становится редкой штукой. Ну, и второе условие – на душе не должно быть серьезных грехов. А поскольку люди слабы, их одолевают пороки, страсти и желания, грехов на них больше, чем блох на чумной крысе. И пока они есть – бог не спешит давать такое мощное оружие как церковная магия, в руки слуг своих. Так что если ты ожидало увидеть здесь фокусы, то ошиблось адресом. Как я уже говорил Проповеднику – почти все боевые монахи заняты работой и ездят по миру, а не торчат в этих негостеприимных и, что уж скрывать, смертоносных стенах.

Пугало точно и не услышало меня – продолжало смотреть на величественные горы да поглаживать рукоятку своего серпа.

А я вспомнил Ганса и наш разговор о церковной магии.

– Подумать только, чтобы скручивать еретиков, убивать демонов и противостоять темным колдунам, нужна такая малость – вера, – сказал он, любуясь Кристиной, которая чистила

шкуру Вьюна. – Право, я лишил бы сана клириков, которые не могут пользоваться волшебством. Это означает, что либо они грешники, либо их одолевают сомнения. А таким не место среди пастырей человеческих душ.

– Ты как всегда радикален во всем, – не согласился я с ним.

Мы частенько спорили с Гансом, обсуждая не слишком важные вопросы. Криста лишь обреченно качала головой.

Теперь Ганс мертв, Кристина пропала где-то в Нарраре, а я торчу здесь, общаясь с одушевленным, который не дает себе труда даже рта раскрыть и сказать пару слов.

– Не хочешь оказать мне услугу?

Заинтересованное Пугало тут же повернуло одутловатую голову, скалясь своей жутковатой улыбочкой.

– Проповедник сказал, что вокруг центральной части монастыря нарисованы *фигуры*. А ты там спокойно шастало. Не могло бы ты проверить подвалы? Где-то там может жить темная душа.

Оно задумалось на мгновение, а затем отрицательно покачало головой. Ему это было не интересно.

– Угу, – мрачно бросил я ему. – Вот если бы я попросил тебя прирезать парочку девственниц, то ты бы явно сделало это с радостью.

Мое замечание его развеселило.

Понимая, что помощи от него можно не ждать, я решил вернуться к горному озеру.

Была уже вторая половина дня, небо затянули облака, и я спешил, надеясь вернуться к монастырю до начала сумерек.

На берегу сустились скирры, размахивали руками, хватались за веревку и пытались утянуть в темную дыру пещеры лоснящееся тело топлуна, пронзенного тремя арбалетными болтами. Мокрый Плевун сидел на камне и безостановочно ругался на всю остальную компанию.

Они заметили меня, оставили работу, и Переговорщик на всякий случай спрятал арбалет себе за спину.

– Здорово, гладкокожий, – поприветствовал он меня. – Мы все-таки смогли достать ублюдка. Больше не будет у нас детей воровать.

– Достали?! Это я достал! – заорал Плевун. – Вы меня, придурки, как наживку использовали!

– И что с того? Он же тебя не сожрал, – отмахнулся Подзатыльник. – Чего пришел, гладкокожий?

Я посмотрел на их одноглазые физиономии и негромко сказал:

– Должок за вами, ребята.

– А-а-а... – протянул Переговорщик. – Третий вопрос...

– Да пошлите вы его! – крикнул Плевун. – Мы топлуна прихлопнули, арбалет нам теперь на хрен не нужен!

Остальные скирры не обратили внимания на такое подлое предложение.

– Давай свой вопрос, гладкокожий. Нам до темноты еще надо эту паскуду разделить, – поторопил меня Переговорщик.

– Скирры живут под землей и роют норы в горах. Думаю, такие хитрецы, как вы, позаботились о том, чтобы у вас был вход в монастырские подвалы и погреба.

Они мрачно переглянулись между собой.

– Это вопрос? – спросил главный. – Ничего такого не знаем.

Он отправил злой взгляд Плевуну, и тот возмущенно завопил:

– Да я к ним уже два года не лазил! С тех пор как матушка меня за ту ворованную монастырскую грудинку отлупила! Если и пропало что-то у монахов, то это не я!

– Вот тупой придурок! – в сердцах воскликнул здоровый Подзатыльник. – Все готов разболтать первому встречному!

Плевун закрыл рот двумя руками и в ужасе смотрел на своих товарищей, поняв, что только что серьезно сболтнул лишнего.

– Ладно, гладкокожий. Если тебя монахи послали, то после того случая мы ничего у них не воровали, – вздохнул Переговорщик. – Так им и передай.

– Монахи меня не посылали. Но мне надо проникнуть в погреб.

– А попросить у них? – прищурился скирр.

– Не вариант.

– Тоже, что ли, грудинку спереть захотел? – заржал Плевун, но тут же заткнулся, пронзенный недобрыми взглядами товарищей.

– Это не погреб, – объяснил Переговорщик. – А склад съестного. Под стеной. Кладовая. Тебе нужна дорога? Хорошо. Расскаж...

– Стоп! – оборвал я его. – Под стеной? Мне это не подходит. Нужен проход в подвальные помещения в центре монастыря.

– Эвона ты чего захотел! – присвистнул Плевун. – Нет такой дороги. Еще мой прадед пытался пробить туда лаз, но сами горы против. Земля жжется, и обвалы сплошные. Одно слово – людская магия. Когда несколько наших рабочих погибло, мы больше и не пытались пробраться в сердце Дорч-ган-Тойна. Никакой окорок и сыр не стоят жизней родичей. Нет у нас туда дороги. Вот если тебе кладовая нужна или в катакомбы под часовней пролезть, это пожалуйста. Покажем. А под сам монастырь – увы.

– Катакомбы? Они ведь тоже под монастырем? – заинтересовался я.

– Ну да. Но не под центром, а расположены параллельно склону и уходят вниз, прямо к леднику. Мертвякам-то от холода мало что будет. Правда, теперь лет восемь уже никого там не хоронят.

– Почему?

– Откуда я знаю? Может, надоело спускаться в холодильник. Мы там не бываем. Нет никакого интереса глазеть на гладкокожих мертвых старцев. Так что? Спрашивать будешь?

Ну, что же. Это лучше, чем ничего. Стоит проверить это место. Темные твари любят селиться в могильниках. Солезино тому подтверждением.

– Покажете мне дорогу в катакомбы?

– Покажем, – кивнул Переговорщик. – Если она осталась. Никто из наших семей туда давно не ходил. Тебе прямо сейчас?

– Завтра ночью.

– Лады. Выходи из монастыря, мы тебя встретим.

Я даже не стал размышлять о том, что скажет Проповедник, когда узнает, что я задумал...

Свеча горела слабо, рождая тусклый свет, едва достающий до краев стола. Огонек дрожал, потрескивал и словно бы собирался погаснуть. Я в последний раз все проверил, затянул тесемки на рюкзаке. Прошлым вечером монахи принесли мне вещи – нательное белье, носки и свитер из козьей шерсти, подбитый овчиной старый полушубок, вязаную шапку, перчатки и варежки. Одежду я уже надел и теперь не боялся, что околею среди снега и льда.

Также мне дали «кошки» – стальные зубцы, крепящиеся с помощью кожаных ремней на ботинки; маленький переносной масляный фонарь и еды ровно столько, чтобы она не превращалась для меня в лишнюю тяжесть.

Я был благодарен каликвцам за их помощь, но не собирался менять своего решения. Меня совершенно не интересовали их тайны. Моя цель – темная душа. Я не могу уйти, зная, что эта тварь может причинить вред людям, пускай они и не желают рассказывать об этом стражу.

Я закинул рюкзак на плечи, взял в левую руку пока еще не зажженный фонарь и задул свечу. Проповедник и Пугало ждали меня возле часовни. Ни тот ни другой не сказали ни слова и двумя призраками направились следом.

Ночь была ясная и звездная. Снега Монте-Розы отражали лунный свет, кожу лица щипал легкий морозец. Монастырь погрузился в тишину, и провожать меня вышел лишь отчаянно зевающий монах-привратник.

– Ну, с Богом, страж. Брат Квинтен просил передать, что будет молиться, чтобы ваша дорога была успешной.

От ворот я не спеша побрел вдоль каменной стены. И уже через несколько минут меня окликнули.

– Кто это? – встрепнулся Проповедник.

– Друг.

Невысокий Плевун помахал мне, выбравшись из-за камней.

– С каких это пор у тебя такие друзья, Людвиг?

– Я уже околел, дожидаясь тебя, гладкокожий, – проворчал одноглазый подземный житель. – Не передумал?

– Не передумал что? – не понял старый пеликан. – О чем он говорит, черт вас заберит?

– Веди, – коротко сказал я тому и показал Проповеднику, чтобы тот помалкивал.

Плевун привел меня к камням, за которыми прятался, и я увидел темный вертикальный лаз, ведущий вниз.

– Ты слишком здоров, гладкокожий. Рюкзак придется оставить, а то застрянешь. Да не бойся, никто его не сопрет.

– Ох, не нравится мне что-то это, – пробормотал Проповедник.

Я молча снял рюкзак и бросил его в дыру.

– Не доверяешь? – усмехнулся скирр.

– Не хочу, чтобы его здесь кто-нибудь увидел, если я не выберусь до утра.

Пугало прыгнуло следом за моими вещами.

– Гляди, куда ставишь ноги и руки. Тут ступеньки, – предупредил скирр.

Спускаться было не глубоко, до дна оказалось где-то полтора человеческих роста. Когда мои ноги коснулись земли, сверху зашипели:

– Да пригнись ты, гладкокожий! И фонарь зажги. Ты же ни шиша не видишь, человеке! Я пока лаз закрою.

Я сделал то, что было велено, спросив:

– А как я потом вылезу?

– Просто. Ладонью толкнешь, и крышка откроется. Каменюка на нашей магии, не смотри, что тяжелая.

Холодный квадратный туннель отличался невысоким потолком. Здесь легко мог пройти скирр, но никак не человек.

– И как я здесь проберусь?

– На карачках, – рассмеялся Плевун. – А что ты хотел? Наши дороги не рассчитаны на людей.

– Далеко лезть?

– Твоих шагов двести, потом на два уровня вниз, и еще шагов четыреста. Второй туннель попросторнее. Обратно пойдешь один. У меня дел по горло, водить я тебя туда-сюда не стану. На вот, – он достал из кармана штанов мел и нарисовал на стене жирную белую стрелу, указывающую вверх, – отмечай стрелками повороты. Мои родичи не хотят, чтобы ты тут заблудился и сдох. Такого громилу, как ты, потом не вытащишь.

– Это какая-то новая дорога к перевалу? – высказал предположение Проповедник.

Понимая, что, если сказать ему правду сейчас, он разволнует, а это меньшее из того, что мне надо, когда я ползу на четвереньках, я пробормотал:

– Вроде того.

Надел перчатки, на них – варежки, чтобы не студить ладони об ледяные камни.

– А зачем тогда надо возвращаться? – Старого пеликана не так просто было сбить с толку.

Но я уже полз за Плевун, и мне было не до ответов. Скирр злился, что я все делаю медленно, тащу бесполезный рюкзак, наконец забрал у меня фонарь:

– Я посвечу. Ты, главное, руками перебирай, гладкокожий.

Я перевел дух, лишь когда низкий туннель привел нас в комнатку, где человек мог стоять, согнувшись не в три погибели.

Лестница, такая же грубая и небрежная, как и все, что делали скирры, спустила нас вниз на два уровня. Мы проходили мимо темных проемов, уводящих в таинственную неизвестность, я отмечал их крестами, чтобы на обратном пути, если ошибусь, знать, что это не мое направление.

Следующий коридор, куда свернул скирр, оказался просторнее прежнего – потолок поднялся, и идти стало возможно немного быстрее.

– Мы под монастырской стеной, – сказал мне проводник. – Теперь все время прямо, никуда не сворачивая.

То и дело мы проходили мимо коридоров, уходящих перпендикулярно нашему пути.

– Так. Постой. Я на пару минут. Надо кое-чего сделать, – сказал Плевун, оставил фонарь и скрылся в одном из ходов.

– Куда он? – вытянул шею старый пеликан.

– Быть может, проверяет дорогу.

Плевун вернулся быстро. Он довольно скалился, держа двумя руками здоровый круг сыра. Откуда скирр его взял – не возникало никаких сомнений. Парень решил по пути заглянуть в монастырскую кладовую.

– Все равно они не заметят, – пояснил вор.

– И как часто ты сюда навещаешься?

– Так, чтобы никто из них ничего не узнал. И мои тоже. Давай-давай! Идем, гладкокожий.

Сунув сырную голову под мышку, он подхватил мой фонарь, засеменив дальше. Коридор практически незаметно стал заворачивать налево, потолок вновь опустился, и последние пятьдесят шагов до очередной лестницы мне пришлось проделать на карачках.

– Теперь запоминай, – сказал Плевун. – Ровно четыреста двадцать семь ступеней вниз. Надеюсь, считать ты обучен больше чем до десяти. Ошибешься – не мои проблемы. Прямо перед тобой будет квадратная штольня с необработанными стенами. Она идет под уклон. Тебе надо в нее. Дойдешь до конца – будут тебе твои катакомбы. И не шастай больше нигде. Если заблудишься – я не виноват.

Сказав это, он отдал мне фонарь, откусил от сыра и, с аппетитом жуя, отправился прочь, даже не попрощавшись.

– О каких катакомбах идет речь? – поинтересовался Проповедник и тут же подозрительно прищурился. – Дева Мария! Ты обманул меня! Ты ведь обещал...

– Что я уйду из монастыря. И я это сделал. Но я не обещал, что не попытаюсь уничтожить темную душу.

– Людвиг! Ты понимаешь, что это опасно?! Ты понимаешь, что, если каликвецы узнают о чужаках, бродящих среди их покойников, тебя по голове не погладят? Ты кончишь так же плохо, как брат Инчик.

– Проповедник, я страж. Моя обязанность защищать людей от того, во что превращаются после смерти худшие из нас. Я не могу оставить это за спиной, хотя бы не попытавшись избавить мир от зла. Если душа там – я ее уничтожу. Если же нет и она где-то в центральной

части монастыря, куда дорога мне закрыта, выброшу это из головы, перейду Горрграт, а когда окажусь на той стороне, отправлю через «Фабьен Клеменз и сыновья» письмо в Арденау. Пусть Братство разбирается.

Он посмотрел на меня как-то странно и вместо спора внезапно опустил плечи, признавая мою правоту:

– Иногда я начинаю считать стражей нормальными людьми и забываюсь. Вас тянет к темным душам, вы везде их находите и не можете пройти мимо. Это выше ваших сил. Я все равно не смогу тебя отговорить. Буду ждать здесь. Не люблю мешать, когда ты работаешь. Надеюсь, там нет окулла, и мы еще увидимся. Выживи, иначе Гертруда оторвет мне голову. А теперь можешь идти. Считай это моим благословением.

И я пошел.

Путь до катакомб – узкий извилистый туннель с мерцающей на стенах слюдой – оказался прорублен в спешке и брошен незаконченным. Это было видно по грубым стенам, шершавым и узким, по страшно низкому потолку и тому, что скирры даже не подумали о том, чтобы вывезти породу. Они оставили гору камня на нижнем ярусе лестницы.

Надо думать, они были сильно разочарованы, когда пробили вход на монастырское кладбище. Это явно не то место, к которому нужно стремиться. Поэтому разработку прекратили, и мастера ушли, не заделав пролом в стене.

Тот оказался таким узким, что мне пришлось снять с себя полушубок, чтобы протиснуться через него. Думаю, каликвецы даже не знают о том, что скирры когда-то забрались в их вотчину. Трещина располагалась за старым саркофагом, в глубокой тени и самом дальнем конце древнего оссуария⁶, в который, возможно, не заходили уже несколько веков.

Кости монахов были сложены в две большие кучи, черепа вцементированы в стены от пола до потолка. Подобным образом в монастырях хоронили усопших очень давно. Теперь такое практикуется лишь в Литавии, где частенько кости со старых кладбищ свозят в какие-нибудь природные пещеры, чтобы освободить святую землю вокруг церквей для новых, недавно умерших постояльцев.

Скорее всего, здесь поступили так же – раньше мертвые лежали где-то в другом месте. При том холоде, что здесь царил, вряд ли от покойников должны были остаться одни скелеты.

Когда я выходил из помещения, то старался не дышать. Мои шаги растревожили костную пыль, толстым слоем лежавшую на полу, и в горле першило.

Я подкрутил фитиль фонаря, делая свет чуть поярче, и увидел четыре скособоченные фигуры у входа в оссуарий. Три цельных скелета, обряженных в темные монашеские платья, подвязанные красными веревками, безглазые провалами смотрели во мрак коридора. В костлявых руках у двоих были кресты, на поясах висели четки, блики света от фонаря играли на скулах и желтых зубах.

Четвертой фигурой оказалось Пугало. Оно завладело крестом и четками одного из мертвецов, застыв в углу каким-то нелепым призраком, огородным чучелом, насмешкой над сотнями погребенных.

– Если ты собираешься подстеречь прохожего и сказать ему «бу», то, боюсь, тебе придется проторчать здесь пару сотен лет, – сообщил я ему.

Оно сделало вид, что не слышит, и все так же продолжало таращиться на противоположную, едва угадывающуюся в темноте стену, сардонически ухмыляясь каким-то своим тайным и, я уверен, не слишком светлым мыслям.

Коридор, где я оказался, был довольно широким, с потолком, который прятался во мраке, и шел под небольшой уклон. Судя по тому, что я видел, помещения под монастырем явля-

---

⁶ Помещение для хранения скелетированных останков.

лись рукотворными, а не природными пещерами. Скорее всего, каликвецы использовали для их создания не кирпичи, а магию. Священники прошлого должны были без особого труда справиться с такой задачей.

В левой руке у меня был фонарь, в правую я взял кинжал. Нарисовал небольшую *фигуру*, и весь ее контур мягко засиял.

– Значит, ты где-то здесь, – прошептал я, решая, куда пойти в первую очередь. – Вряд ли ты живешь тут долго. Следовательно, надо посмотреть новые захоронения.

Я двинулся вверх по коридору.

Справа и слева от меня были ниши оссуариев – темные и зловещие. Пока я не чувствовал близости присутствия чего-то чуждого, но знал, что это не повод расслабляться, и подготовил несколько *знаков*.

Как и все подземелья, в которых люди любят складировать мертвецов, – это было холодным и мрачным. Шорох шагов отражался от сводов, и звук то и дело прыгал мне за спину, изменяясь до неузнаваемости, так что мне приходилось периодически замирать и вглядываться в кромешный мрак.

Я дошел до ступеней, ведущих вверх. Их было всего лишь семь, и, поднявшись по ним, я оказался в новом зале – несколько уже первого, и его своды оказались ниже – в густых тенях я различал покатым потолок, сложенный из множества темных кирпичей. Скобы, где когда-то стояли факелы, давно пустовали и покрылись рыжей ржавчиной. Стены были голые. Ни рисунков, ни барельефов. Зато через каждые пять шагов в них находились горизонтальные ниши, по три, одна над другой, от пола до потолка. Где вечным сном заснули каликвецы – темные силуэты, недвижимые фигуры в черных монашеских мантиях с глубокими капюшонами, надвинутыми на лица.

Я заглянул под один из них, увидел желтую пергаментную кожу, плотно обтягивающую кости черепа, запавшие глаза, обострившийся нос, приоткрытый рот и спутанную седую бороду. Благодаря прохладному сухому климату тление слабо коснулось тела.

Я подумал, что последний раз оказывался в подобном месте в катакомбах Солезино, которые до сих пор снятся мне в кошмарах. И вот снова гуляю по древним могильникам.

За свою жизнь я побывал во множестве подземелий – замковые подвалы, медные шахты, штольни, крипты, склепы и канализации. Темные души обожают скрываться под землей, устраивать логово, утаскивать жертв и прятаться от таких, как я.

Не люблю подземелья. Здесь, в кромешном мраке, никогда не знаешь, что скрывается за поворотом и будет ли у тебя шанс выбраться на свежий ветер, под яркое солнце. Большинство стражей погибают именно в таких местах.

Где-то монотонно капала вода, и звон падающих капель отражался от толстых стен, искажался, становился похож на шаги таинственного нечто.

Вновь семь ступеней вверх, и следующий зал, точно так же, как и предыдущий, забитый мертвыми в нишах. Буквально через пятьдесят шагов – дорогу мне преградила толстая решетка, закрытая на замок с противоположной стороны.

– Черт, – только и сказал я.

Выломать эту преграду можно было разве что тараном или бочкой пороха. Ни того, ни другого у меня при себе не было, а значит, путь дальше для меня закрыт.

Я присмотрелся к прутьям повнимательнее, поднеся фонарь к ним вплотную. Они оказались сделаны из чистого, сильно потемневшего серебра, и по ним тонкой спиралью вились буквы на старолитавском языке, которым пользовались клирики в прошлом: «Мы, кости, что здесь лежим, ждем ваших».

Надо возвращаться, проверить самую старую часть катакомб и, если там ничего нет, выбираться наверх.

Обратно я шел гораздо быстрее.

Ступени, ниши, мертвецы, залы, темные проемы оссуариев, точно глотка кита, поглотившего Иону. Эхо шагов, звон падающих капель, слабый запах смерти, оранжевые блики на желтых безучастных ко всему черепах. Фигуры монахов-скелетов, сжимающих кресты костлявыми пальцами. Красные веревки, белые веревки, истлевшие рясы и сутаны.

Унылое место, где живым нечего делать.

Из бокового костехранилища в круг света вдруг резко шагнула долговязая, гротескная тень – чудовище из ада, с горящими алым глазами.

– Твою мать! – громко ругнулся я, в последний момент останавливая уже готовый сорваться с пальцев *знак*. – Неудачная шутка!!

Повеселевшее Пугало притушило зажженный огонь в глазницах черепа, снятого с плеч одного из скелетов, отвесило мне театральный поклон польщенного похвалой артиста. Было видно, что оно радо произведенному эффекту.

– Иди погуляй, – сказал я ему. – Сложи из черепов плохое слово, вырежи из косточки голову Проповедника или полежи в нише рядышком с каким-нибудь бедолагой, сочини стих, вырасти тыкву, но только больше не путайся у меня под ногами. В следующий раз все может кончиться не так весело.

Оно сделало вид, что сожалеет, виновато шаркнуло ногой и, освещая себе дорогу черепом, побрело в том направлении, откуда только что пришел я.

Я проводил взглядом его сутулую долговязую фигуру и покачал головой.

Пугало в своем стиле.

Дорога в следующий зал оказалась длиннее, чем я думал, пришлось пройти мимо двадцати оссуариев, заваленных костями до потолка, а затем спуститься по разбитой лестнице. Здесь строители нарушили традицию, и вниз вели не семь, а сорок три ступени, выводившие на круглую площадку. Перед висящим на стене огромным распятием стоял алтарь и пустая чаша для святой воды.

Сразу за этой комнатой – еще тридцать семь ступеней. Они спускались в жерло дышащего холодом мрака. Живущие в Дорч-ган-Тойне проделали колоссальную работу и превратили находящуюся под ними гору в настоящее царство мертвых.

Я оказался в ледяной пещере – с белыми стенами и синим потолком, казалось сложенным из множества застывших воздушных пузырей, отчего создавалось впечатление, что я стою на дне океана и смотрю вверх, а надо мной толща воды. Здесь было так холодно, что я порадовался своей предусмотрительности и тому, что на мне не только моя одежда, но и та, что дали монахи.

От моего дыхания в воздух вылетали клубы густого белого пара, на стенах алмазной пылью сверкал иней. Он же покрывал каменные изваяния плачущих ангелов, и скульптуры словно были сделаны из серебристого металла, а не из мрамора.

Каждый ангел отличался от другого. Статуи стояли у изголовий каменных плит с телами каликвещев, облаченных в белые одежды и подпоясанных алыми, точно кровь, веревками. Здесь лежали лучшие из лучших. Те, кто при жизни владел магией.

Благодаря лютому холоду их не тронуло тление, в отличие от братьев из верхних залов, и по неведению можно было подумать, что они просто решили немного поспать, сложив на груди руки, сжимающие четки.

Я подошел к ближайшему покойнику, приблизил фонарь к его лицу, разглядывая белую как снег, полупрозрачную восковую кожу, посиневшие бескровные губы, гладкий лоб. Смерть подарила ему легкий воздушный поцелуй и благодаря защите Юрденмейда пощадила тленную оболочку. Думаю, с ней ничего не случится, пока существует это ледяное сердце катакомб.

Я шел мимо мертвых. Их было бесчисленное множество в этой огромной морозной пещере. И то, что преграждало мне путь, заставило остановиться и увеличить пламя в фонаре, чтобы рассмотреть детали.

После часа в катакомбах меня уже тяжело было удивить мертвецами, но эти отличались от других. Они валялись на полу, точно переломанные каблуком Пугала куклы, – скорченные, нелепые и выпотрошенные. Я видел раздавленные головы, вскрытые грудные клетки, оторванные руки и ноги.

Повсюду темнела кровь. Она черными кляксами растеклась по полу, замерзла, став неотъемлемой его частью, пропитала одежды, мелкими пятнами застыла на лицах и серебряных крыльях ангелов.

Их оказалось больше двадцати. Большинство находились близко друг к другу, но некоторых я обнаружил дальше, они, как видно, пытались бежать, однако смерть настигла и их, без жалости вырывая позвоночники и челюсти, ломая шеи и круша черепа.

Несколько статуй ангелов были разрушены, надгробия треснули, лед оплавлен.

Осторожной кошкой подошло Пугало с черепом под мышкой, подняло с пола оторванную руку, вопросительно посмотрев на меня.

– Я знаю не больше твоего. Могу лишь предполагать, что здесь случилось.

Оно благосклонно кивнуло, желая послушать мою догадку.

– Они пришли сюда, чтобы похоронить одного из своих. Видишь тело в белой... ну, теперь уже темно-бурой одежде среди них? Оно совсем не тронута, в отличие от остальных, потому что монах уже был мертв, а рядом валяются сломанные погребальные носилки. Здесь на них кто-то напал. И они стали гибнуть. Один за другим, заливая все кровью. Некоторые из них не пытались убежать, решили сражаться до конца. Они не видели врага, поэтому наносили удары вслепую – скульптуры разбиты, словно по ним стреляли из пушки. К тому же магия задела кого-то из братии. Справа от тебя обугленный скелет. «Ложимся подобно колосьям под серпом жнеца...» – произнес я фразу, которую видел на полях книги брата Инчика.

Очень образно, но в то же время точно.

Пугало бросило на пол руку, озадаченно посмотрело на меня, не понимая, что я сказал.

– В этой бойне могли быть уцелевшие. Например, брат Инчик. Если он видел весь тот кошмар, то я понимаю, почему так радовался приходу стража, пускай и прошло несколько лет. Им пришлось убить его, лишь бы он не рассказал мне о случившемся. Хотя я до сих пор не понимаю, какой им резон скрывать все это. Видно, что никто из каликвещев сюда не спускается. Иначе тела бы убрали, решетку на выходе не запирали. Да и скирры говорили, что монахи перестали хоронить здесь своих. Значит, они не приходят сюда, а темная душа не поднимается наверх.

Безразличное пожатие плечами. Пугало серпом корябало на лице ангела ухмылочку – точную копию той, что была у самого одушевленного.

Теперь случившееся в монастыре несколько лет назад порядком меня разозлило. Чертовы клирики – им проще убить человека, который мог что-то рассказать, и взять грех на душу, чем попросить помощи стража. Мне захотелось бросить все и уйти, оставить каликвещев и темную тварь, пусть сами друг с другом разбираются. Но я заставил себя отринуть эмоции.

Я дошел до дальней стены пещеры, сложенной из крупных ледяных кирпичей, которые затем облили водой, тем самым скрепляя их друг с другом. За ними мне почудилось какое-то движение – темная размытая тень за полупрозрачной преградой.

Внезапно в глаза ударил свет.

Я отшатнулся, поднимая руку, закрываясь от ярко-зеленых лучей, а затем швырнул *знак*. Он прошел через стену, полыхнул пурпуром на другой стороне, заставив свет дрогнуть и погаснуть.

– Проворная гадина, – буркнул я, поставил фонарь на землю и с силой воткнул кинжал между кирпичами.

Лед затрещал, и мне под ноги с мягким звоном упало несколько полупрозрачных, тут же разбившихся пластинок. Стена оказалась гораздо менее прочной, чем я думал, но мне потре-

бывался почти час, чтобы сколоть лед, расшатать полупрозрачные блоки и вытащить шесть самых нижних. Только после этого получился достаточный лаз для того, чтобы я смог туда пролезть. Первым делом я пропихнул рюкзак, затем фонарь, а затем уже пополз сам, улегшись на спину.

Пугало весело помахало мне рукой. Лезть дальше оно не желало.

– Все интереснее и интереснее, – пробормотал я, изучая место, в котором оказался.

Идеально круглый ледяной туннель с гладкими, блестящими голубыми стенами и полом таким скользким, что я не мог встать. Пришлось отцепить от рюкзака висятые на нем «кошки» и прикрепить их к ботинкам, понадежнее затянув кожаные ремни.

Сталь скребла лед, не давая упасть. Мне понадобилось буквально вбивать ноги, чтобы не терять устойчивость. Дорога шла под уклон, и самым быстрым способом было сесть на задницу и скатиться вниз, точно на пологой горке, но я решил не рисковать, не имея при себе ледоруба. Мало ли какая трещина окажется на пути. При таком варианте передвижения я не смогу мгновенно остановиться.

Так что в зал, находящийся от погребального всего лишь в двухстах шагах, я добрался, лишь затратив уйму времени.

Потолок похожей на перевернутую бочку пещеры в центре был укреплен широченной ледовой колонной, по краям которой, точно воротник, росли огромные сосульки. Под самой крупной из них зияла темная дыра, точно распахнутая пасть неведомого чудовища, – очередной ход в неизвестность.

– Вот это встреча, – без всякой радости сказал я четырем мертвецам, лежащим у бугристой шершавой стены.

Прежде чем подойти к ним, я обезопасил себя, положив *фигуру* – на выход-пасть из пещеры, на тот случай если темная душа, сияющая зеленым светом, надумает появиться.

Этих монахов объединяло то, что каждый из них был прикован за лодыжку стальной цепью, конец которой глубоко вбили в стену. Больше всего умершие походили не на людей, а на ледяные статуи – бледно-голубые, щедро укрытые толстым саваном из инея.

Один из них умер, поджав под себя ноги, свернувшись точно зародыш и вмерзнув лицом в пол. Его седые волосы вокруг выбритой тонзуры были похожи на высушенные солнцем водоросли.

Другой, в порванной мантии, лежал на спине, и его руки застыли в странном положении, словно он пытался оттолкнуть от себя какую-то тяжесть. Я видел таких мертвых в горах и раньше. Они замерзали настолько, что переставали контролировать себя, считали, что им жарко, хотя на самом деле их тела умирали от лютого холода. Они срывали с себя одежду, не желали разводить огонь, начинали бредить и в итоге навечно засыпали, трясаясь от чудовищного озноба.

Третий покойник прислонился спиной к ледяной стене. Он сидел ровно и смотрел прямо на меня застывшими, стеклянными глазами из-под накинутого на голову шерстяного капюшона.

Четвертый, самый молодой, пытался снять с себя цепь и умер от потери крови. Красный снег вокруг него, бурые пальцы, которыми он разодрал ногу до кости. На юном лице навечно застыла маска ужаса и боли.

Судя по наростам льда, эти люди погибли здесь в разное время. Тот старик с седыми волосами – умер первым. Его тело вмерзло, уже став частью пещеры. Пройдет еще какое-то количество десятилетий, и оно полностью скроется в постепенно растущей стене. А вот мальчишка, пытавшийся освободиться от цепи, попал сюда самым последним – корочка льда поднялась над растекшейся по полу кровью всего лишь на четверть дюйма.

Я не знал, насколько быстро в пещере нарастает лед, и поэтому не мог сказать, как долго они здесь находятся. Быть может, год, а может, и все восемьсот лет, с самого момента основания монастыря.

С легким шелестом, расставив руки, в пещеру вкатилось Пугало. Изящно, точно конькобежец, вывернуло ногу, тормозя острым каблуком ботинка по льду, отчего во все стороны брызнула бело-голубая крошка.

– Я знал, что ты придешь к самому интересному, – сказал я ему. – Догадываешься, что здесь произошло?

Оно глянуло на мертвецов, провело рукой по горлу. Однозначное мнение.

– Да. На испытание укрепления духа и веры это не слишком похоже. Больше напоминает казнь. И каждый из них мог стать темной душой. Тела не погребены, смерть мучительная – отличные поводы для того, чтобы остаться и расплатиться с обидчиками. Ты ведь тоже за что-то мстишь Ордену Праведности, если только тебе дать волю. Кем ты было раньше?

Разумеется, одушевленный не ответил. Плевать он хотел на такие вопросы. Пугало предпочитало хранить инкогнито и отделяваться таинственными улыбочками.

Теперь оставалось проверить «зубастый» вход, если душа и была, то пряталась где-то там. Я сделал шаг к нему, но крутившийся по пещере одушевленный положил костлявую лапу мне на плечо.

– В чем дело? – спросил я, ощущая, как от холода онемела кожа на лице и мороз щиплет кончик носа.

Оно поманило меня за собой. Я не подумал осмотреть всю пещеру-бочку, а зря. Потому что упустил из виду пятого мертвеца, скрытого от моих глаз колонной.

Его руки были раскинуты крестом, прижаты к холодной стене, а в ладони, на которых застыла кровь, вбиты широкие гвозди.

Распятый оказался моим ровесником. Крепкий, светловолосый, с открытым лицом, в которым легко угадывалась альбаландская кровь. Монашеская мантия разорвана на груди, в коротко стриженных волосах, бровях, ресницах, усах и бороде холодно и равнодушно мерцали драгоценные кристаллики льда.

Синие глаза, сейчас похожие на два аширита⁷, отражали свет моего фонаря, и дрожащий в них оранжевый огонек, а также тени, скользящие по лицу, делали человека совершенно живым.

На его губах застыла улыбка, словно он был рад встрече со мною.

– Жестокая казнь, – произнес я, когда тишина стала давить мне на уши. – Быть прибитым к ледяной стене и знать, что ты брошен во мраке, в самом сердце Юрденмейда.

– В чем ты провинился? – спросил я у монаха, но его мертвые глаза были безучастны. – Какой ты совершил грех, раз стал темной душой?

Я знал лишь один ответ – почему теперь его перерожденная сущность сводит счеты с обитателями Дорч-ган-Тойна. Месть дает ему силы для существования в этом ледяном мире. Мне надо найти его и успокоить.

Следующий туннель сильно отличался от предыдущего. Неровные, словно вырубленные киркой стены с уступами и сколами, бугристый, украшенный сосульками потолок, пляшущий пол. Порой плечами я задевал сходящиеся стенки коридора. Лед вокруг меня напоминал чешуйки голубоватой соли, выступившей на камнях после того, как море отошло, и солнце поднялось в зенит.

«Кошки» царапали пол, гулко звякая, и я сожалел, что не могу идти тише. Где-то там впереди пряталась темная душа казненного монаха.

Под ногами сухо треснуло, точно я наступил на яичную скорлупу.

---

⁷ Аширит – драгоценный камень, который находят в хагжитских горах. Ученые из Савранского университета называют его диапазом – он имеет потрясающий, насыщенный ярко-голубой цвет, который порой дает бирюзовый оттенок.

– Черт! – сказал я прежде, чем пол провалился.

Я не убилися, хотя и упал спиной. Рюкзак худо-бедно смягчил удар, а шапка спасла мой затылок, хотя на мгновение в глазах вспыхнуло. Несмотря на боль, соображать я не перестал и проворно откатился в сторону, чтобы не попасть в огонь, вспыхнувший от вылившегося из разбитого фонаря масла.

А затем пламя, всего лишь нескольких мгновений назад бывшее таким высоким и яростным, потускнело, опало и угасло, оставив меня в крошечном ледяном мраке...

Свет – это жизнь.

Огонь дарует ее, и оценить всю его прелесть, бесценное счастье владения им можно, лишь оказавшись в бездне, среди холодной пустоты безучастного подземелья.

Я слышал свое дыхание. Тяжелое и частое. И стук сердца – стремительный ритм, грохочущий не хуже боевых барабанов наемной пехоты Ольского королевства.

Хотелось безостановочно чертыхаться. В первую очередь на самого себя.

Трещина! Чертова трещина, сверху прикрытая тонким наростом ледком. Я провалился в нее, точно волк в яму с кольями, и очутился непонятно где.

Так. Спокойно.

Я не в первый раз оказываюсь один во мраке. Ледяные пещеры ничуть не страшнее медных шахт. Или подземелий маркграфа Валентина. Право, передрыга, в которую я угодил по собственной неосмотрительности, не так страшна, как кажется на первый взгляд.

Судя по всему, здесь не высоко, иначе я бы уже не собрал костей. Мне нужен свет.

Рюкзак все еще был при мне. Я снял варежку, пихнул ее в карман, затем сунул в зубы перчатку и, не обращая внимания на холод, развязал стягивающий узел моего вещевого мешка. Запустил пальцы во внутренний карман, вытащив огниво.

Я ощутил движение за спиной, отшатнулся в сторону, резким движением ударив кресалом по кремню. Толстый сноп ярких желто-оранжевых искр на краткий миг разогнал мрак.

Никого.

Чтобы убедиться, что мне почудилось, я еще несколько раз воспользовался огнивом. Вокруг лишь лед и я.

Вернемся к свету.

На одних искрах я далеко не залезу. Теплые вещи исключаются, но в рюкзаке есть рубашка.

Потребовалось два удара огнивом, чтобы вернуться к тому месту, где я оставил свои вещи. Пальцы очень быстро стыли, я начал рыться в рюкзаке и пораженно замер, когда нащупал лежащий под рубашкой предмет.

Свеча! Клянусь всеми ангелами рая, это была свеча!

Тонкая, сладко пахнущая пчелиным воском. Зажечь огонь было делом нескольких секунд. Света от него было немного, но это гораздо лучше, чем ничего. Я заглянул в рюкзак:

– Чертов сукин сын!

Пугало не нашло ничего лучше, чем вытащить часть моих вещей и положить на их место свои трофеи – свечи, украденные им из часовни. Их было больше двух десятков – тонких, длинных, уложенных вплотную, перетянутых какими-то тесемками.

Того, что было в рюкзаке, должно хватить, чтобы я смог выбраться на поверхность. Если, конечно, поспешу. Я сунул несколько свечей в карман, зажег еще одну, чтобы было поярче, излучил стену.

Действительно, невысоко. Можно попытаться залезть.

И только тут я понял, что из моих ножен пропал кинжал...

Я не мог его выронить. Такого не случилось за все годы моего владения этим оружием. И даже если бы он упал, я бы нашел его здесь, на ледяном полу.

Значит, мне не показалось. Кто-то подошел ко мне во мраке и забрал оружие.

– Хочешь поиграть? Ну, давай поиграем, – сказал я, начиная наращивать на правой руке разрушительный *знак*.

Не знаю, чего он добивается и почему не убил меня сразу. Возможно, темной душе нравится играть в догонялки.

Сейчас я находился в чем-то вроде снежной галереи. Квадратный ход, с двух сторон ограниченный ледовыми сталагмитами, пролегал параллельно верхнему коридору, по которому я пришел. Возможно, где-то дальше они сходятся. Если так, то у меня есть шанс вернуться назад, в пещеру-бочку, и подготовить встречу.

Я шагал в одиночестве через царство ярко-голубого, спрессованного под собственной тяжестью льда, алмазного инея и стылого воздуха, который обжигал мое горло.

Мое время ограничено. Час, максимум два, а потом меня охватит апатия, и я захочу только одного – прижаться щекой к теплему льду и уснуть. Остаться здесь навсегда.

Так что буду пошевеливаться.

Наросты льда у меня на пути принимали самые причудливые и невероятные формы. Рыба, спрут, пахарь и рыцарь на вздыбленном коне. Их было до ужаса много, и порой они стояли так плотно, что приходилось протискиваться между ними.

Здесь царило полное безветрие, поэтому огоньки на двух свечах излучали ровный свет. Через полчаса мне пришлось зажечь новые, так как эти уже почти догорели. Я начал думать, что ошибся, что затерялся в сердце Юрденмейда, но наконец дошел до перекрестка. Два коридора уводили вниз. Я посветил в ближайший, отметив, что уже через пять шагов в нем появляются перпендикулярные расщелины. Другой уходил вверх.

– Кажется, я все-таки смогу вернуться, – пробормотал я, но прошел совсем немного, потому что снова наткнулся на мертвых.

Человек лежал прямо на пути. Я отметил шерстяную мантию и плащ инквизиции. На застывшем пальце тяжелая золотая печать с символом Риापано. Очень странно... Странно, что клирика оставили здесь. Или монахи так далеко сюда не заходили? Тогда что делал здесь человек Святого Официума?

Голова погибшего была пробита пулей, задней части черепа словно и не бывало – дыра с замерзшим льдом вместо крови и мозга.

Еще пятнадцать шагов. Высоченный бородач в мирской одежде с разрубленной левой ключицей и ребрами зарылся лицом в снег, выронив из ослабевших пальцев шпагу.

Я склонился над телом, заметив висевшую на поясе металлическую бляху, и прочитал знакомые буквы.

– «Lex prioria», – прошептали мои губы, и я поднял глаза на появившуюся в проеме коридора сутулую фигуру. – Законник. Какие дела у законника и инквизитора могли быть под монастырем каликвцев? И знали ли те об этом?

Одушевленный лишь почесал в затылке. А затем увидел, что у меня нет кинжала.

На мгновение Пугало превратилось в соляной столб. Уставилось на меня во все глаза. Это было что-то новенькое для него. Я лишился серьезного аргумента. Той весомой штуки, что когда-то негласно скрепила наш не озвученный договор. Кинжал был тем незримым тормозом, что частенько сдерживал страшил от необдуманных действий.

Оно краешком пальца задумчиво коснулось рукоятки серпа, и я вспомнил слова Мириам о том, что есть вещи, которые нельзя держать поблизости, так как они опасны, и рассмеялся:

– Если бы у тебя были какие-то планы на мой счет, ты бы их выполнило еще на той мартовской дороге, а не тащило меня у себя на закорках.

Одушевленный вроде как усмехнулся, забыл о серпе, забрал с тела законника его медальон, подкинул в воздух и ловким ударом ноги отправил куда-то во мрак. А затем начал пилить серпом шею покойника. Он был равнодушен к представителям Ордена Праведности. И живым и мертвым.

Я ослабил *знак*, который держал наготове, покачал головой. Право, мне сейчас не до чудачеств Пугала.

На льду осталась дорожка из капель, я пошел по ним, нисколько не сомневаясь, что найду еще кого-нибудь.

Так и случилось.

Мужчина сидел привалившись к стене, рядом с ним валялся разряженный пистолет, рука до сих пор сжимала широкий меч. Как раз такой, чтобы одним ударом перерубить ключицу и ребра.

На человеке живого места не было от ран, теплая куртка пробита и потемнела от застывшей крови.

Я не поверил своим глазам, поэтому поднес свечу прямо к его лицу. Широко расставленные карие глаза, нос с едва заметной горбинкой, небольшие черные усы и крепкий подбородок.

Я повстречался с призраком из прошлого.

Моим лучшим другом.

Гансом.

– Невозможно, – прошептал я. – Этого просто не может быть.

Пугало, по счастью без отрезанной головы, остановилось рядом.

– Это Ганс, – сказал я ему. – И если он здесь, то тогда кого я похоронил у той деревни? К кому попал его кинжал?!

Я опустился перед ним на колени, проверил одежду, но клинка не нашел. Его левая рука была крепко сжата в кулак. Я заметил блеск камня.

Бусы?

«Не ври себе. Ты знаешь, что это такое», – шепнул мне внутренний голос.

Я знал. Не бусы. Браслет из дымчатого раух-топаза. Когда я попытался его забрать, промерзшая нитка лопнула, точно льдинка, и камешки просыпались на пол. Я осторожно собрал все, что смог найти. Свечи почти догорели, я зажег следующие, думая о той, кому браслет принадлежал долгие годы. Ганс держал его в кулаке, когда умирал.

Еще одна загадка. Как он попал к нему? Когда я выберусь отсюда и встречу ее, обязательно спрошу об этом.

Жаль, что рядом не было Проповедника. Я прочитал молитву, но не так складно, как мог бы это сделать он.

– Прощай, Ганс, – сказал я.

Я вновь стоял в пещере с казненными монахами и мрачно рисовал *фигуры* на стенах.

– Тебе лучше уйти, – предложил я Пугалу. – Может задеть. Встретимся наверху.

Оно пожало плечами и убралось, на прощание махнув мне рукой. Два *знака* я положил на шляпки гвоздей в ладонях распятого и принялся ждать, встав так, чтобы видеть большую часть пещеры и оба выхода.

Такие, как эта темная душа, далеко не уходят от своего тела, иначе бы она хозяйничала уже не только в катакомбах, но и по всему монастырю. Месть – хорошая причина, чтобы зародиться, но имеет свои ограничения. Такое приглашение, как мое, душа не сможет проигнорировать.

И она пришла.

Только что ее не было, и вот она почти вплотную ко мне – материализовавшийся из воздуха человеческий силуэт.

Я ударил *знаком*, действуя инстинктом, а не разумом, но не попал. Она, точно ветер, отшатнулась в сторону, и по ледяной пещере загуляло эхо взрыва, а свечи погасли.

– Советую быть осторожнее, страж. – Голос звучал прямо у меня в голове. – Лед может не выдержать твоего дара. Тогда ты будешь похоронен здесь, вместе со мной.

Что-то звякнуло возле моих ног, я чиркнул огнем, увидел свой кинжал.

– Давай поговорим.

– Давай, – согласился я, пробуждая скрытые во льду *фигуры*.

Они вспыхнули одна за другой, распускаясь гроздовыми цветами и сверкая похожими на молнии лепестками. В небольшом помещении избежать их было невозможно, и уже через несколько мгновений темная сущность оказалась обездвижена.

– Поговорим, – сказал я, зажигая свечи и подбирая кинжал. – Но на моих условиях.

– Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это еще там, во мраке, когда ты был беспомощен. – Он смотрел на острие.

А я смотрел на него. Практически никаких изменений – такой же человек, как и при жизни, вот только из пробитых гвоздями ладоней сочится слабый зеленый свет.

– Я знал, что когда-нибудь из Братства кто-то придет. Каждую ночь я посылал сигнал.

– Я видел его. Зеленый огонь на леднике. – Я не спешил приближаться. – У меня есть вопросы. Тебе придется ответить на них. И покончим с этим быстро. Или же я выволоку тебя из катакомб, обездвижу *фигурами*, и ты будешь сдыхать долго, рядом с любимыми тобой братьями. А затем все равно отправишься в ад.

Он на мгновение прикрыл глаза, затем устало сказал по-альбаландски:

– Задавай свои вопросы, страж.

– Человек в том коридоре. Он тоже из Братства. Ты знаешь, как он умер?

– Его убили. Друзья людей, которых убил он. Ты видел их там же.

– Что произошло?

– Он приехал в наш монастырь. Давно. Десять лет назад. Задавал вопросы...

– Какие?

Грустная усмешка:

– Посмотри на этих мертвых братьев в кандалах. Знаешь, почему они здесь? Они нарушили слово, законы монастыря, свои клятвы перед Господом. Но ты хотя бы их видишь. А тех, кто задает неудобные вопросы, больше не видит никто. Он узнал то, что не предназначалось для его ушей, и подписал себе приговор.

– Что скрывают твои братья?

– Они мне не братья! – Его глаза на мгновение сверкнули яростью. – Не ищи правды. Она принесет тебе смерть.

– Тогда расскажи о нем.

– Они загнали его сюда. И убили. Вот и все.

– А его кинжал?

– Забрал кто-то из законников. А потом они уехали. Их было трое.

Трое. Роман говорил о двух телах, которые нашли монахи. Выходит, третий вместе с кинжалом добрался до деревни и умер на том холме. Но кто их убил?

– Это все?

– Все, – сказала темная душа, и я шагнул к ней. – Постой! Прежде чем ты завершишь работу, ответь на вопрос.

Я молча посмотрел на него, не говоря ни «да» ни «нет».

– Ты пришел, не зная, что он здесь?

– А я должен был знать? – удивился я.

– Значит, женщина-страж тоже мертва. Иначе бы она рассказала... – Распятый на мгновение прикрыл глаза. – Все напрасно.

Я сразу же вспомнил браслет, который сжимал в пальцах Ганс.

– Женщина? Как ее звали?

– Не знаю. Она приехала на следующий день после того, как его убили. Искала его. Я стоял на воротах... и... – Он прервался и отвернулся.

– И что? – с угрозой в голосе спросил я.

– Я знал, что ее тоже убьют. Потому что вы, стражи, все время задаете вопросы. Уничтожат, чтобы не рисковать. На всякий случай. Я не мог взять такой грех на себя. И спас ее. Сказал уезжать. Немедленно. Пока большинство братьев спит.

– Она уехала?

– Она плакала. А затем ушла. Что было потом – не знаю. Я надеялся, что она выжила, иначе я умер напрасно.

– Тебя убили из-за нее?

Монах хмыкнул, повернул голову, чтобы посмотреть на свое распятое тело:

– Я предал монастырь, отправив ее прочь. Они спрашивали меня, что знает женщина, но я не сказал. Меня наказали в назидание остальным. Чтобы помнили, что бывает с теми, кто помогает чужакам, которые несут угрозу для монастыря. Умирая, я поклялся, что они пожалеют о содеянном. Мечь, страж, это тоже грех. И когда у меня появилась вторая жизнь, я отомстил им сполна. Братья больше не спускаются в крипты. Это мой мир. И тебе не место в нем. Так что не тяни. Воспользуйся кинжалом и заberi себе немного жизни. Или отпусти меня. И, клянусь, они никогда не забудут, что убили стража. Выбор за тобой.

– Святая великомученица София! – возопил Проповедник, увидев меня. – Людвиг! Я уже думал, случилось... Господи! Где ты набрал церковных свечей?!

– Фонарь разбился.

Он что-то причитал, крутился вокруг меня, а я на несколько мгновений закрыл глаза, все еще дрожа от холода ледяного подземелья и пытаюсь хотя бы на время забыть о том, что узнал и что сделал.

– Людвиг! А что с темной душой? Ты нашел ее? Убил?

Я вздохнул:

– Пора идти, друг Проповедник. У нас мало времени.

История вторая МЕНЬШЕЕ ЗЛО

– Да не тут-то было! Кто ж их боится, уродцев паскудных? Они только с виду грозные со своими флагами да барабанами, уважаемый. А внутри сплошная гниль, как и у их господина, князя Млишека Жиротинца, подлого предателя, куцехвостого брехливого пса! Выстроились они на нас своими шестью полками, гордые, точно гусаки. Да только ненадолго, уважаемый! Ненадолго! Как увидели штандарт с драным кошаком да желто-алые мундиры кантонских наемников, как услышали их бравую песню, так и кончилась вся их храбрость. Наложили в подштанники, побросали пики да алебарды и драпанули! Да так, что бежали до самого Морова. Вот и вся битва. Ха! Солдаты герра Крехта имеют серьезную славу непобедимых и страшных воинов. Князь Горловиц правильно сделал, что нанял их. С такими бойцами мы враз избавим Заполье от всей гнуси, что задницу ольскому королю лижет да сеет смуту в собственной стране.

– Если денег хватит, – уточнил я. – Кантонские наемники перестают драться, когда заканчиваются флорины, дукаты или гроши.

– Ну тут ваша правда, господин страж, – не стал спорить со мной собеседник – седовласый возница с морщинистым лицом, вислыми желтоватыми усами и кустистыми бровями. – Наемные армии обходятся князю Горловицу в звонкую монету.

– Война требует денег, поэтому многие предпочитают мир.

– И снова вы правы. Трат в такое время всяко меньше. Но и выгод тоже. Холмье уже в наших руках, а скоро и Заполье будет. Его милость хорошо расширил свои владения. Ему, можно сказать, повезло с тем, что некоторые князья перешли на сторону Ольского королевства. Так что каждый грош, оставшийся в кармане кантонского наемника, вскоре окупится сторицей. Ать, мать вашу, погодка-то радует...

Он чмокнул губами, подгоняя четверку мощных лошадей вительской породы, тащивших наш тяжелый фургон.

Погода действительно была просто чудесной, несмотря на то что наступил самый конец октября. Пускай прохладно, но солнечно, и никакого намека на дождь, который лил всю предыдущую неделю.

– Свезло нам с этой войной, господин страж, – между тем продолжил возница. – Видать, Господь на нашей стороне. Такое дело.

– Господь переменчив, как девица, Вланек, – не согласился ехавший рядом с нами на могучем жеребце игреневого масти⁸ Мариуш Хальвец.

У него было выразительное лицо, с искренними, дерзкими, смелыми ярко-голубыми глазами, широкой улыбкой и крупными конопушками на лбу, скулах и носу. Золотистые брови, ресницы, усы и коротко постриженные по военной моде Чергия волосы. Когда на них попадали солнечные лучи, они начинали сверкать, как драгоценный металл.

Ему было чуть больше двадцати, но он казался моим ровесником. На голову выше, здоровенный, широченный, с мускулистыми руками и громоподобным голосом. К своему возрасту Мариуш Хальвец, приходящийся князю Горловицу троюродным племянником по материнской линии, успел отличиться в двух военных кампаниях и бесчисленном количестве стычек. О его подвигах говорили, как и о пожалованной земле, баронстве и скорой женитьбе на девице из рода Гольфарцких.

---

⁸ Бурая или рыжая масть, со светлой гривой и хвостом.

За те четыре дня, что мы путешествовали вместе, я уже успел понять, что хусар⁹ – человек отнюдь не робкого десятка. Он отличался безудержной смелостью и даже, я бы сказал, безрассудностью.

Впрочем, двое его друзей, господа Радек Хольгиц и Войтек Мигорцкий были такими же «безбашенными ненормальными». Так окрестил их Проповедник, после того как эта троица хусар с ревом набросилась на восьмерых всадников Жиротинца и устроила им настоящую кровавую баню, ничуть не смущаясь численного превосходства.

– Голытьба, а не воины! – сказал после боя черноволосый Радек, выплевывая передний зуб из разбитого рта. – Свиные задницы! Даже стыдно, что все так быстро закончилось.

Войтек Мигорцкий, зеленоглазый крепыш с оспинами, украшавшими его внушительный нос, опустил гросс-мессер¹⁰ на голову раненого противника, буркнув:

– Ага.

В отличие от своих товарищей он был немногословен, и за эти четыре дня я услышал от него только два слова: «ага» и «курва».

– Не скажите. – Возничий Владек не согласился с аргументами Мариуша. – Господь, он с правыми. Вы же сами все видели. Ольские нас по весне знатно раскатали, всю равнину прошли, Пиргень, Олаш, Вольницк захватили, Тавон, Штейнбург и Олясницу предали огню и мечу. Это если не считать городков поменьше, монастырей и деревень. До сих пор в горле саднит от дыма пожарищ, а в носу смердит от вони мертвецов, устлавших поля. А летом? Летом-то что было, помните?

– Помню, – скрипнул зубами Мариуш, и его светлые глаза потемнели.

А Радек, ехавший неподалеку и прислушивающийся к нашему разговору, мрачно кивнул.

– Битва под Старженицами. Разгром хусар под Тополем, осада Влашек, сдача Модорвы и Кольвина. Гибель короля и предательство Млишека Жиротинца. Умылась наша земля кровушкой на века.

Это верно. Дела у чергийцев шли не важно. Ольское королевство взяло их в оборот, наступало по всем фронтам, раздолбало регулярную армию, разделило на три части и начало отгонять на запад, неспешно захватывая город за городом и замок за замком. Почему так случилось, каждый говорил свое. Некоторые винили во всем дьявола, другие покойного короля и его военных советников, третьи бога.

Прямых наследников престарелый король не оставил, два его племянника погибли под Старженицами и Тополем, и преемником короны стал князь Горловиц. Во всяком случае, так говорил он, наплевав на то, что князь Млишек Жиротинец был на четверть шага ближе в родстве к его покойному величеству. Но Жиротинец, которому Ольское королевство обещало протекторство, несколько поторопился с предательством, и, когда чергийский король был убит, большинство дворян отказались признавать его своим новым сюзереном.

Вчера вечером Радек, крепко набравшись сливовицы, бил тяжелым кулаком по столу и с налитыми кровью глазами орал на всю таверну:

– Чтобы я! Радек Хольгиц! Потомок Душана Ворона¹¹, гонявшего булавой по Бгжевскому полю иноверцев, стал под знамена этого предателя и труса?! Этой немой задницы?! Ха! Черта с два! Не бывать этому!! Я Хольгиц и лучше сдохну, чем так опозорю свой род!

Так думал не только он, но и многие другие. Поэтому большинство знати встало под знамена князя Горловица, прав у которого на престол было меньше, чем у Жиротинца. А

---

⁹ Хусария – тяжелая чергийская кавалерия, часто гвардейская княжеская конница. Всадники облачены в тяжелые кирасы, открытые шлемы, поножи, наручи и вооружены длинной кавалерийской пикой, мечом и несколькими пистолетами.

¹⁰ Оружие с прямым клинком длиной один – полтора ярда. Ближайший «старший родственник» фальчиона и тесака.

¹¹ Душан Хольгиц по прозвищу Черный ворон – знаменитый воевода, разбивший под Бгжевом армию султана хагжитов, которая в шесть раз превосходила по численности армию тогда еще единого Рубежного королевства. Национальный герой чергийцев и ольковицев.

князь поклялся, что его не коронуют, пока он не освободит родную землю (а также Вольница – столицу Чергия, где в соборе Святого Витта хранились королевские регалии), и решительно взялся за дело.

Для начала он посадил на кол всех военных советников прежнего короля. Затем нанял пехоту и артиллерию, отдавая предпочтение кантонцам. А также льстил, угрожал, обещал, награждал, казнил, принуждал, воодушевлял и делал все, чтобы сдержать свою клятву и укрепить внезапно свалившуюся на него власть.

– А теперь? Когда князь с нами? Встали чергийцы стеной и погнали этих ублюдков обратно. И победа не за горами. Потому что его милость Горловиц Деву Марию просил о заступничестве, молил спасти народ и землю родную.

– Ты погоди с победой-то торопиться, Владек, – одернул старого возницу Мариуш. – Ольские – это не бунтующие крестьяне, так просто их по полям не разгонишь. Еще полстраны под ними, да и Вольница не наша. Вот вернем столицу, поднимем над ней свой флаг, тогда и о победе подумать будет можно.

– Ага, – сказал Войтек, управляя своим конем лишь с помощью коленей, выпустив из рук уздечку.

– А вы, господин ван Нормайенн, что думаете? – обратился Мариуш ко мне.

Я посмотрел на золотоволосого гиганта:

– Война вещь коварная, господин Хальвец. Никогда не знаешь, как в итоге выйдет. Особенно когда и между чергийцами нет общего согласия.

– Будет! Будет согласие! – сверкнул он голубыми глазами и показал мне кулак. – Как только возьмем Моров и Млишка Жиротинца посадим на кол! Мне самому не в радость драться с собственными братьями, но, когда предатели будут наказаны, все оставшиеся мятежники встанут под знамена Горловицев. Другого выбора у них нет.

Войтек, Радек и Мариуш вновь заспорили, будет ли бог на их стороне, и что следует сделать князю, чтобы как можно быстрее закончить осаду. Я же достал из ножен свой кинжал и начал править лезвие.

Война наводнила Чергий темными душами, которые, словно гиены, отовсюду сползались на трупы, кровь, отчаяние, боль и страх. Их развелось столько, что в последние полторы недели у меня всегда находилась работа. Я порядком устал, выпил галлоны молока, а клинок набрал столько силы, что порой, когда я брал его в руку, у меня леденели пальцы.

Последняя встреча произошла позавчера, на глазах компании, с которой я путешествовал. Две стальные шеи выползли на дорогу и прикончили мелкого купца с охраной. Мы как раз поспели к окончанию малоаппетитного пиршества. Владек, увидев, как с тел людей и лошадей в неизвестном направлении исчезают куски плоти, крестясь и ругаясь, забрался под воз, а троица хусар обнажила оружие, не понимая, откуда ждать опасности.

Я разобрался с душами, порадовав зрителей ослепительными вспышками света, но на клинке появилась зазубрина от встречи со стальной плотью этих тварей. Я потратил весь вечер, чтобы убрать ее, и теперь проходил по кромке мелким камнем, стараясь вернуть ей былую бритвенную остроту.

– Тпру! – сказал Владек, натягивая поводья. – Лошадкам треба отдыха, господа. И корму.

Радек спрыгнул с седла, сунув перчатки за пояс, Войтек вытащил из сумки бутылку сливовицы, протянул мне, но я отказался и отошел от дороги ярдов на двадцать, чтобы спокойно поговорить с Проповедником, изнывающим от моего молчания.

– Хотел сказать, что ухожу, – «обрадовал» он меня.

– Снова? – удивился я.

Он вздохнул:

– Тогда ты порядком разозлил меня своим упрямством. Но сейчас у меня другая причина.

– Какая? – спросил я лишь для того, чтобы он мог выговориться, так как я знал старого пеликана уже не первый год и догадывался, что он мне скажет.

– С тех пор как меня убили, я не слишком-то жалую войны и трупы. Чергий сейчас хуже, чемSOLEЗИНО. А тогда, как ты помнишь, я тоже с тобой не пошел. Мне по нраву тихие городки с уютными тавернами да кабаки, а не трупы и горе. Только Пугало в восторге от такого.

– Понимаю тебя. И не возражаю. – Тащить его за собой я не собирался.

Он на мгновение прикрыл глаза:

– Я пойду обратно. К горам, а потом к перевалам и дорогам. Как только ты покинешь страну, найду тебя. Не волнуйся.

Я хмыкнул:

– Поверь, я знаю, что от тебя не отвяжаться.

– Ну, тогда я буду за тебя молиться. Что ты теперь планируешь?

– Доеду до Морова, узнаю о лагере. Роман намекнул, что следует задавать вопросы информаторам инквизиции. Там посмотрим.

Он лишь вздохнул, но ничего говорить не стал. Повернулся и пошел прочь по охряно-желтому сжатому полю. Я смотрел на его сутулую спину и думал, что мне как-то придется обходиться без его ворчливых нравоучений, скабрёзных песенок и нытья. За те девять лет, что он слонялся за мной, я привык к нему.

Пугало подошло ко мне, встало рядом, провожая взглядом постепенно удаляющуюся фигуру Проповедника. Покрутило пальцем у виска. На его взгляд, только ненормальные отказываются от таких бесплатных и интересных развлечений, как война.

– Возле Морова могут быть стражи, – сказал я ему. – Павел, насколько я помню, сейчас с князем Горловицем. Он старейшина, и Братство пытается помочь будущему королю для того, чтобы потом получить на его землях больше вольностей, чем Орден Праведности. Такие шутки, как с Мириам, с Павлом не пройдут. Он опытнее и опаснее меня. И убьет тебя, если только ты дашь повод. Тебя не защитит даже то, что твоя материальная оболочка за сотню лиг отсюда. И я не смогу тебя прикрыть, если вдруг у вас возникнет конфликт. Не захочу, а не смогу. Понимаешь разницу?

Пугало коснулось когтистым пальцем щеки, задумчиво ее царапнуло. Это могло означать все что угодно. К примеру, что оно плевать хотело на мои слова и того же Павла.

Вполне в его стиле.

Но я все же завершил свою мысль:

– Держись от стражей подальше. Не доставляй мне проблем. Сейчас это не то, что мне нужно. Моров в осаде. Мне кажется, ты найдешь себе занятие. И да, я вижу, какое ты голодное. Я думаю над этой проблемой и найду решение в ближайшее время.

Оно развернулось и направилось обратно к фургону.

Я взял на себя ответственность перед ним. Когда мы расставались, Мириам сказала, что Пугало моя домашняя зверушка, но куда более опасная, чем голодный лев. И мне надо позаботиться о том, чтобы найти ему кровь, раз уж нам приходится путешествовать вместе.

Я мотался по Чергию уже две недели, с тех самых пор, как преодолел Горрграт и спустился с отрогов Хрустальных гор. Перевал оказался для меня серьезным испытанием – нехватка воздуха, плохое самочувствие из-за высоты, ледяной ветер и начавшийся снежный буран. Меня едва не сдуло с седла Монте-Розы, и я не помню, как смог провести ночь на этом жутком холоде, лишь каким-то чудом ничего себе не отморозив. При спуске я сильно упал, в кровь разбив руки, и следующую неделю Проповедник, глядя на мои заживающие ссадины и царапины, по десять раз на дню напоминал мне об ошибочном выборе дороги.

Но я знал, что все сделал правильно и со смирением святого терпел его нотации. Пугало, глядя на это, лишь посмеивалось про себя.

До западных областей Чергия, как оказалось, война не дошла. Князь Горловиц не пропустил сюда армию захватчиков, его передовые части, укомплектованные свежими полками кантонских наемников, литавских кондотьеров и фирвальденских ландскнехтов продвигались на восток.

С утра до вечера я проводил в движении, уничтожал опасных для людей существ. Но основная моя цель оставалась неизменна – я искал цыганский табор.

Однако, куда бы я ни приехал, везде мне сопутствовала неудача. Никто его не видел, никто даже не слышал о нем.

Мне повезло лишь под Кутгором. Там я схватил ускользавшую от меня нить правды и все же начал распутывать клубок. Табор, который я искал, прежде чем отправиться в Шоссию, долго стоял под Мором – городом, принадлежащем князю Млишеку Жиротинцу, предавшему своего короля и переметнувшемуся на сторону врага.

Именно по пути в Мор я и встретил ползущий по тракту фургон, которым управлял старый Владек, слуга кастеляна Хальвеев, а с ним и троицу хусар – господ Мариуша Хальвеца, Радека Хольгица и Войтека Мигорцкого.

Надо сказать, что наше знакомство прошло не совсем гладко. Меня то ли приняли за дезертира, то ли просто решили поразвлечься. Черноволосый Радек не нашел ничего лучше, как попытаться сбить меня лошадью. За что был стащен с седла и получил в зубы.

Войтек обнажил гросс-мессер, но его остановил Мариуш:

– Стой, друже! Гляди, какой у него кинжал. Это ж страж.

– Курва! – произнес Войтек, останавливая коня и убирая клинок обратно в широкие ножны.

– А тебе, братко, лучше больше не баловать, – смеясь, сказал Хальвец Радеку.

Радек лишь ругался да называл меня песьей паскудой, и не разговаривал со мной до самого вечера. Только в таверне, когда он убил пару бутылок сливовицы, его настроение пошло на поправку, и он, громко хохоча, бил меня рукой по спине и орал на весь зал:

– Снял с лошади Радека Хольгица! Такое редко кому удавалось! Ха!

За те дни, что мы путешествовали вместе, я хорошо смог узнать эту троицу. Они были шумными, часто ругались, спорили, а по вечерам всенепременно напивались и, если только им давали такой повод, тут же лезли в драку. Особенно Радек, которого тяжело было остановить.

Но, несмотря на все недостатки, мне нравились эти молодые чергийцы. В них бурлила настоящая жизнь, они ценили смелость, доблесть и жили ярко, с той силой беспечной молодости, что дарует ощущение бессмертия.

Ко мне хусары относились как к старшему товарищу, с тем странным уважением, что было у многих чергийцев к представителям Братства. В отличие от областей, находящихся по ту сторону Хрустальных гор, здесь стражей ценили.

На следующий день после того, как ушел Проповедник, мы свернули с центрального тракта, ведущего к Олясницам, на проселочную дорогу.

– Земля подсохла, так что сократим путь. Уже к вечеру выйдем к Хрно, а там до Морова часа четыре, – довольно сказал Владек и, заметив, что я хмурюсь, поинтересовался: – Что вам не нравится, господин страж?

– Вон та пуща. – Я указал на голый лес, стоявший в отдалении. – Стоит ли в нее лезть?

– Разбойников опасаетесь?

– Не вижу смысла искушать судьбу. Особенно с тем грузом, что у вас в фургоне.

Мариуш, споривший с Радеком по поводу того, кто первым из них прикончит сотого жиротинца, как они называли всех, кто поддерживал князя Млишека, прервался на половине ругательства и повернулся ко мне в седле.

– Грузом, господин ван Нормайенн? А что, по-вашему, мы такого везем, что это может заинтересовать воронье?

– Деньги.

Золотистые брови хусара полезли вверх, и он оглядел свое воинство суровым взглядом:

– Кто из вас, черти, проболтался?

Войтек отрицательно мотнул головой.

– И не я, клянусь распятием! – воскликнул Радек. – Ты, старый, что ли сливовицы перебрал?

– Не говорил он, – защитил я возницу. – Много ума не надо, чтобы понять, что у вас там. Фургон крепкий, оси и дно усилены, да и лошади устают быстро. Едете вы от Кутгорта, а всем известно, что в этот замок князь Горловиц перевез свою казну. Как и то, что под Моровом целая армия, а наемники любят, чтобы им платили регулярно.

– Курва, – пробормотал Войтек.

– Сколько там у вас?

Мариуш посмотрел на меня внимательно, подвигал тяжелой челюстью и лишь после этого сказал:

– Много. Здесь жалованье солдатам за следующие четыре месяца.

– Значит, не меньше восьми тысяч грошей в мелкой золотой монете, – улыбнулся я, сделав быстрые подсчеты.

– Вы опасный человек, господин ван Нормайенн. Будь кто-нибудь на вашем месте, мне пришлось бы его убить. Но стражей убивать грешно. Особенно когда вокруг война и никто не защитит страну от темных душ.

– Значит, мне повезло, что я страж. Одного не понимаю, почему целое состояние охраняют только трое воинов.

– Мы стоим целого гурта¹², – произнес без всякой похвальбы Мариуш.

– Ага, – подтвердил Войтек.

– Мы разминулись с основным отрядом. Их что-то задержало, а время дорого. Наемники не должны начать артачиться. Это задержит войну, – продолжил золотоволосый хусар. – Опасаться нечего, господин страж.

– Не тогда, господа, – не согласился я с их беспечностью, – когда речь идет о полновесных грошах из княжеской казны. В замке могут быть длинные языки и внимательные глаза.

– Языки отрезаются, а глаза выкалываются, – равнодушно пожал плечами Радек. – Князю Горловицу служат верные люди. Все остальные уже давно гниют в ямах.

– Не беспокойтесь, господин ван Нормайенн. Эти места безопасны, – терпеливо повторил Мариуш, отхлебнув из фляги, притороченной к его седлу. – Лихие люди промышляют дальше, там, где еще нет нашей власти. Князь приказал вздернуть всех мародеров и разбойников на осинах. Вы ведь сами видели, когда ехали по тракту до Олясниц.

Да. Видел. Пара сотен трупов разной степени подпорченности, висевших на деревьях вдоль дороги. Они болтались где поодиночке, где целыми дюжинами. Порядок будущий король Чергия наводил без всякой жалости.

Или то, что он считал порядком.

Пушу мы проехали спокойно. Вокруг были лишь голые, застывшие перед приближающейся зимой деревья и желто-коричневый ковер из опавших листьев. Справа от дороги я увидел скелеты.

– С начала лета лежат, – заметил мой взгляд Мариуш.

В то время здесь шли тяжелые бои, и кости, валявшиеся там, где людей настигла смерть, были еще одним молчаливым свидетельством войны.

---

¹² Здесь: отряд из двадцати человек.

– Это не наши. Ольские, поэтому никто не спешит класть их в землю. Порубали, да так и бросили. – Радека останки интересовали ничуть не больше, чем встречавшиеся на пути замшелые камни. – Сейчас мертвяков, поди, можно найти даже в отхожем месте. Везде рубка шла. Кровь с лица и рук приходилось смывать по десять раз на дню.

– Ага, – поддержал товарища Войтек, и его озорные зеленые глаза были на редкость печальны.

– Лучше бы их закопали. – Владек покачал седой головою. – Не по-божески это.

– С каких это пор ты стал праведником? – ухмыльнулся Радек. – Не ты ли два месяца назад охаживал их бошки чеканом да добавки просил?

– Одно дело сражение, господин Хольгиц. Другое дело брошенные кости. Черт знает что из них получится. Появится какая-нибудь пакость, не приведи Господь, потом будем расхлебывать. Да и последняя ночь октября на носу. Ведьмы любят всякую такую дрянь.

– Ну, раз такой умный, то бери лопату и вперед, – рассмеялся Мариуш. – Лет за сто как раз всех мертвяков, что сейчас по полям валяются, зароешь. А ведьмы... Что ведьмы? Хусары колдуний не боятся.

– Оно и видно. Молодые вы. А я за жизнь всякого успел навидаться.

– Твои страшилки я знаю с пеленок, – небрежно отмахнулся Мариуш. – Не о покойниках вражеских сейчас думать надо, а о живых противниках. Моров уже месяц в осаде, а толку чуть.

– Так крепкие у него стены. А ворота жиротинцы открывать не спешат, – высказал всем известный факт Радек.

В этот момент на дорогу вылезло шестеро каких-то оборвышей. Одежда на них была драная и страшно грязная, рожи заросли бородами, а оружие, что они держали в руках, хорошим и надежным нельзя было назвать даже с большой натяжкой. Старые иззубренные бердыши, ржавые глевии, один крестьянский топор с разошедшей рукояткой и два арбалета, тетива которых вот-вот должна была порваться от ветхости. Смердело от людей так, что, даже находясь от них на расстоянии в десять ярдов, хотелось убраться как можно дальше.

– Что это за чучела? – Мариуш остановил лошадь, разглядывая незнакомцев с некоторой толикой брезгливости.

– Коней и кошельки давайте, милсдари. Или, сталбыть, прибьем вас. Без жалости, – сказал самый грязный из оборвышей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.